

ЛУЧШИЙ РОМАН ОБ ОТНОШЕНИЯХ МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ

Татьяна Веденская

АПРЕЛЬСКИЙ КОТ

тираж
превысил
3 миллиона
экземпляров!

Книга Татьяны Веденской лучше сеансов психоанализа
возвращает к жизни.

О.Маховская. психолог, писатель

Позитивная проза

Татьяна Веденская

Апрельский кот

«Автор»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Веденская Т.

Апрельский кот / Т. Веденская — «Автор», 2016 — (Позитивная проза)

ISBN 978-5-699-93238-2

В жизни Фаи Ромашиной «все очень плохо», если верить ее словам. А постоянные споры с сестрой, конфликт с коллегой, одинокие вечера перед телевизором и бессонница – лишнее тому подтверждение. Фая вынуждена обратиться к психологу. Им оказывается очаровательный Игорь Апрель, который готов не только решить все проблемы девушки, но и подставить мужское плечо в трудный момент. Только вот почему-то Фая не спешит открывать перед ним свою душу... и сердце.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-93238-2

© Веденская Т., 2016
© Автор, 2016

Содержание

Всем есть дело до того, что думают о них другие люди	6
Кто сказал, что жизнь полна удивительных сюрпризов?	12
Путь к мечте начинается с первого шага. Потом, правда, придется топать бог знает сколько	18
Все, во что веришь, превратится в реальность. Мысль, знаете ли, материальна	24
Знаешь же, что не хочешь. Вот и не делай	31
Источник всех страданий – это привязанности, так что отвяжитесь от меня – и не будете страдать!	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Татьяна Веденская

Апрельский кот

Моей любимой дочери Настасьюшке

Все события книги о злоключениях Фаины Ромашиной являются чистым вымыслом. Любые совпадения мнений, событий и особенно взгляда на жизнь случайны и достойны только сочувствия.

Посвящается тем, у кого стакан наполовину пуст.

Пессимисты – это хорошо информированные оптимисты.

© Саенко Т., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э»», 2016

Всем есть дело до того, что думают о них другие люди

– Все очень плохо, Джонни! – сказала я, пересекая проходную «Муравейника» в сравнительно приемлемом настроении, если учесть обстоятельства, предшествующие этому дню, и солнечные очки в пол-лица, которые я не собиралась снимать.

– Опять плохо? – хмыкнул охранник, а я пожала плечами. Конечно, это не совсем подходящий ответ на вопрос «Как дела?» – но другого у меня не оказалось.

– А чего хорошего, Джонни? – резонно спросила я, и Сережа снова ухмыльнулся. Я знала, что ему нравится, как я его зову. Он уверен – я называю его «Джонни» по причине его поразительного внешнего сходства с Джонни Деппом, которого Сережа обожает. Я не опровергала этого, хоть это и неправда. Причина другая, но я решила не озвучивать ее, чтобы не расстраивать Джонни. Кроме того, я не люблю имя Сережа... по определенным причинам.

– Что же такого плохого случилось у тебя сегодня? – спросил меня Джонни, высовываясь чуть ли не по пояс из широкого внутреннего окна в надежде разглядеть, что же я все-таки от него скрываю под очками. Я его понимаю, солнцезащитные очки в марте – это более чем странно. Учитывая, что никакого солнца на улице нет – так, одна морось.

– Сегодня все плохо в норме, – отрапортовала я, отворачиваясь в сторону. – Лучше скажи, почему меня твой терминатор не пускает.

– Он тебя не узнает в очках, – фыркнул Джонни, косясь на турникет.

Не дожدهшься, дорогой, очки я не сниму.

– Я-то ладно, а чем ему чип на пропуске не глянулся? – Я невозмутимо смотрела на Джонни сквозь густую черноту стекол и ждала, пока турникет соизволит считать данные с моего электронного пропуска. Турникет меня узнавать не желал, я же мечтала поскорее убраться в свою дыру под крышей нашего «Муравейника». Желательно при этом, чтобы меня никто больше не увидел.

– Он сегодня все утро дурит, – вздохнул Джонни. – Сбой программы. Между прочим, к вам же с этим и придут. Можешь хоть сейчас забирать заявку на поломку.

– Чуть что – во всем программисты виноваты, – обиделась я. – Направляй заявку сам, я этим не занимаюсь. У нас и так три проекта, и все – высший пилотаж, математическое моделирование и коды будущего. Думают, мы там на двадцать шестом – инопланетяне с квантовыми компьютерами вместо мозгов. Лучше скажи, может, у меня срок пропуска истек? Посмотри по базе.

– Да нет, турникет с утра не крутится. Даже начальство не пропустил. Ладно, сейчас впусти, раз тебе не терпится трудиться. Как отпраздновали? – продолжал допрос Джонни, прикладывая к турникету универсальный пропуск.

– Отпраздновали? – удивилась я.

– Как повеселились? Мы вчера девчонок в аэротрубе катали, – сообщил мне Джонни, только углубляя мою задумчивость.

– Новый подход к старой сцене с Мэрилин Монро? – рассмеялась я. – Представляю, как можно задрать юбку в аэротрубе.

– Фая, сегодня какое число, а? – поинтересовался вдруг Джонни. Я пожала плечами.

– Счастливые часов не наблюдают.

– Счастливые – может быть, но ты же у нас – самое печальное создание в офисе. Как у Шекспира. Нет девушки печальнее на свете, чем Фая... – Джонни застыл, пытаюсь придумать что-то в рифму, но не смог. – Короче, с твоим «позитивом» ты должна и секунды знать.

– Ну спасибо, – всплеснула руками я.

– Все у тебя всегда плохо, – добавил Джонни. – Между прочим, сегодня девятое марта. Тебя хоть кто-нибудь вчера поздравил? Или у вас, у программистов, это не принято?

– Господи, я напрочь забыла! Девятое марта, серьезно? Какой удар по самолюбию, а я ведь еще от дня Святого Валентина в себя не пришла! – рассмеялась я.

– Значит, не праздновали? – вздохнул Джонни. Перед моим мысленным взором возникла двухкомнатная квартира в стандартной панельной высотке, сломанный кем-то лифт и то, как я задыхалась, бежала на пятнадцатый этаж. А потом – матерящиеся представители полиции, разлитое по полу магазина красное вино и молоко – все в одну большую лужу с кусками битого стекла. Выходные, мать их. Празднички.

– Праздновали, конечно, – заверила я охранника. – Весь день пила коктейли, а муж мыл полы и драил стены в ванной. Видишь, теперь даже смотреть в глаза людям не могу, так праздновали.

– Муж? – фыркнул Джонни. – Когда это у тебя муж появился?

– Вчера. А что, это так невероятно?

– Да кто с тобой уживется? С таким-то характером! – «порадовал» меня Джонни.

– А что не так с моим характером? – Я сделала вид, что обиделась. – Я – ангел. Тихая, некурящая, почти непьющая. Тридцати нет. Только и женись. Между прочим, ты бы и сам мог...

– Я лучше съем перед загсом свой паспорт. – Джонни цыкнул зубом и пропустил меня внутрь на территорию «Муравейника».

– Вот и приятного аппетита, – фыркнула я.

– Тебе, Фая, надо характер менять, – вдруг заявил Джонни. – Критики в тебе много. И потом, один только твой диплом МФТИ – уже катастрофа. Не должна быть девушка программистом.

– Интересно, почему? – расхохоталась я. – А потом, я и не программист. Это мне было бы скучно. Я занимаюсь матанализом и моделированием математических систем – динамических, нелинейных, стохастических...

– Еще хуже, – перебил меня Джонни. – Я даже не понимаю, что ты говоришь. Лечить тебя надо. А то умная слишком.

– С чего это ты вдруг сегодня решил начать делиться своим профессиональным мнением? Вдруг я возьму и последую твоему совету. Пойду к какому-нибудь психологу и начну меняться, а потом выяснится, что меняюсь я к худшему.

– Еще хуже? Куда? – В притворном страхе мужчина приложил ладонь к губам.

– Да, Джонни, хорошо все же, что восьмое марта уже прошло. А то ты бы мне его испортил. Сердце бы разбил, а мне еще жить и работать – на благо начальства! – хихикала я, запиная бесполезный пропуск в объемную сумку.

– В отпуск тебе надо, Фая. Очки-то все же сними, – скомандовал Джонни, а я только мечтательно вздохнула, представив себе пляж, струящийся между пальцами песок и тепло, не сгенерированное отопительными приборами.

– Мне без очков холодно. – И я вышла во внутренний дворик на охраняемую и всячески закрытую территорию нашего огромного медиа-энерго-науко-пауко-холдинга, называемого в простонародье «Муравейником».

Итак, дано: штаб-квартира одного из подразделений крупнейшей корпорации, интересы которой перекрывают небо, закрывая солнечный свет. Нефть и нефтепроводы, научные патенты, исследования в области новейших технологий, собственные телеканалы и игры на бирже. Список далеко не полон, многое вообще недоступно для непосвященных. Наш девиз – «Создавая будущее» – звучит романтично, но совершенно неконкретно. Что за будущее мы создаем – большой вопрос. Я бы добавила: «Создавая будущее, хорошо бы не развалить настоящее». Наш бизнес разрастался как опухоль, но кого это трогает?! Ведь это и есть успех. Впрочем, этот вопрос – не моих мозгов дело, ибо я только винтик, одно из сотен соединений в мик-

росхеме компьютерной системы. Создаю, модифицирую и исследую математические модели для аналитики и прогнозирования. Выполняю задания партии и правительства, иногда непредсказуемые и абсолютно нелогичные. Но – солдат спит, служба идет, пенсия копится.

Я, страшно признаться, люблю свою работу. Да, да, весьма неженское дело – копать в кодах, но во мне не так уж и много женского, особенно если верить словам мужа моей сестры Лизы, с которым у нас постоянный «конфликт протоколов». Он считает меня исчадием ада, а я – его. И то и другое сразу не может быть верным, так как, следуя математической логике и исходя из единства ада как координаты пространства и времени, только один из нас может быть его исчадием. Значит, второй точно ошибается. В последнее время я все чаще начинаю допускать в теории, что ошибаюсь я. И это грустно.

Лаборатория, где я целыми днями стучу пальцами по «клаве», располагается на двадцать шестом этаже самого высокого из пяти соединенных между собой зданий, принадлежащих нашему холдингу. На двадцать седьмом, последнем, – «Олимп», где живут небожители, наше в прямом смысле «высокое» руководство. «Всевидящее Око Саурана». Выше только крыша, с которой открывается ошеломительный вид на Москву. Наше здание – главное – в простонародье зовут «башней», иногда «поехавшей». Вторая высотка – двадцати трех этажей – зовется «Биг Беном» из-за огромных электронных часов на фасаде, самых больших из целой системы часов, синхронизированных по всему офису во всех зданиях. Забавный случай! Однажды неведомые умельцы подкрутили программу управления часами, и целый месяц часы постоянно соскакивали на пятнадцать минут назад, вынуждая весь офис задерживаться на лишние пятнадцать минут. Их подводили обратно, а они самопроизвольно убегали вперед снова – по ночам. Потом выяснилось, что это была эдакая шутка неведомых хакеров, связанная с тем, что незадолго до этого обеды в офисе сократили на пятнадцать минут. Инициатива эта поступила сверху, призванная увеличить производительность труда. Похвальное рвение со стороны людей, которые обедают в основном на переговорах в кафе «Пушкинь».

Мы пытались переустановить программу, перегружали систему, но ничего не помогало. Пока обед не вернулся в свои первоначальные временные рамки, часы починить не могли. А виновника так и не нашли, хотя, конечно, скандал был страшный. Еще бы, найдут они, как же. Не для того мы в МФТИ учились, чтобы наши маленькие шалости могли всякие «белые воротнички» вычислить.

По улице я прошла к входу в «башню», надеясь никого не встретить. Время было раннее, начальство в такое время обычно только допивает шампанское, принимая утреннюю пенную ванну. Аристократы, кажется, так просыпаются. Но кое-чего я все-таки не учла. Закон подлости стоял у входа в «башню», и я прижалась к стене «Биг Бена», вспоминая нерушимые каноны, выведенные за долгие годы исследований в области падающих бутербродов.

Правило первое. *Всё не так легко, как кажется.* А это значит, что мне вряд ли удастся миновать Виктора Аркадьевича Постникова так, чтобы он меня не заметил, даже если прямо сейчас он стоит ко мне спиной, погруженный в собственные мерзкие мысли. Конечно, Виктор Аркадьевич мог бы пройти в здание, не оборачиваясь, но, словно следуя внутреннему призыву, обернулся в последний момент.

И заметил меня.

Правило второе. *Если некоторая неприятность может произойти, то она обязательно произойдет.* Более того: если могут случиться несколько неприятностей, то они все обяза-

тельно случатся, и притом в самой неблагоприятной последовательности. Естественно, я не могла столкнуться с Постниковым в любой другой день. Нет, только сегодня, когда на носу у меня «сидят» массивные солнцезащитные очки. Постников увидел меня и просиял.

– Фаина Павловна! – радостно воскликнул этот сукин сын, расплываясь в своей фирменной фальшивой улыбке. Как я могла забыть о парковке во внутреннем дворе? Ведь Постников пешком не ходит, он водит темно-синий BMW, а галстуки выбирает под цвет машины.

– Виктор Аркадиевич! – не менее «радостно» воскликнула я. – Какими судьбами?

– Это что же вы в очках-то, Фаина Павловна? – спросил Постников, галантно открывая передо мной дверь.

– Новый имидж, знаете ли, – процедила я, пытаюсь воспрепятствовать Постникову заглянуть мне «в душу».

– Ага. Значит, вы все-таки согласны, что ваш старый имидж никуда не годился. Но, знаете ли, начали вы не с того, Фаина Павловна. Может быть, купить юбку? Туфли на каблуке?

– Никогда не думала, что туфли на каблуке можно носить на лице, – фальшиво удивилась я. – Впрочем, вам, Виктор Аркадьевич, виднее.

– А, понял. Вам глаз подбили! – воскликнул этот подлец и улыбнулся по-детски счастливой улыбкой. – Опять, значит, забыли, как вести себя в присутствии женщины?

– Допустим на секундочку, что вы угадали, хотя никто меня по лицу и не бил, – отчеканила я строго. – Правильно ли я понимаю, Виктор Аркадиевич, что вы считаете избивание женщин нормальным явлением?

– Что ж, я не удивлен. – Постников оскалился, продолжая пялиться на меня без всякого стыда. На вопрос мой он, конечно, отвечать не стал.

С виду Виктор Аркадьевич Постников мог бы показаться человеком вполне невинным и даже по-своему привлекательным. Невысокий, чуть полноватый, но не настолько, чтобы это его портило, он был эдаким обаятельным Карлсончиком, с небольшой залысиной, доброй улыбкой и запахом дорогого одеколона после бритья. И только что-то в его взгляде отталкивало и вызывало желание оглядеться или отряхнуться, словно заляпался в чем-то. Он смотрел на всех с прищуром, словно не просто так стоял рядом, а ежедневно, ежеминутно, ежесекундно собирал на людей компромат. Постников возглавлял аналитический отдел в финансовой группе «Муравейника» и, так уж получалось, имел частые пересечения с отделами цифровой безопасности и математического моделирования. Грустно, грустно, ведь нам бы с ним лучше не видеться никогда. Виктор Аркадьевич – подлец и ничтожество, и если бы его внешность отражала его суть, он бы растекся по полу грязной вонючей лужей. Но коллег не выбирают, к сожалению, и вот он стоит, улыбается и смотрит прямо на мои очки.

– Мне, знаете ли, врачи очки прописали. Светобоязнь, – пояснила я, надеясь, что этого будет достаточно. – Процедуры прохожу.

Правило третье. *Всё тянется дольше, чем можно ожидать.* В нашей «башне» работает аж четыре лифта, и, казалось бы, по теории вероятности хотя бы один из них сегодня должен был оказаться на первом этаже. Но нет. Один словно умер на двадцать втором, два других – один на третьем, другой на пятом, но оба направлялись вверх. Третий же оказался сломанным. Кто бы сомневался. Я еле сдерживалась от того, чтобы побежать по лестнице. Чего не сделаешь, чтобы избавиться себя от общества Постникова. Но двадцать шесть этажей – это слишком много. Особенно для такого компьютерного червя, как я. Спорта во мне – ни на грамм.

– Я бы тебя тоже бил, – неожиданно заявил Постников, когда двери лифта за нами закрылись. – Ты позор, а не баба.

– Бабы все на прополке клубники, – завелась было я, но решила все же заткнуться. Целей буду. Особенно когда речь идет о Викторе Постникове.

– Ну, это же не я синяки тут прячу, – заявил он, продолжая мерзенько улыбаться. – И не надо, не стоит. Рассказывай про врачей кому-нибудь другому.

– А чего это вы мне тыкать вздумали? Деловую этику нарушаем? – прошипела я, понимая прекрасно, что оно того не стоит и что ничем хорошим это не закончится. Но лифт ехал невыносимо долго, и мне начало казаться, что даже воздух постепенно закипает вокруг нас.

Правило четвертое. Если N причин возможных неприятностей заранее устранены, то всегда найдется причина за номером N+1.

– На «вы» к тебе обращаться, да? Думаешь, если страшная, значит, сразу умная? – хмыкнул Постников. – Тоже мне, высококлассный специалист. За сколько диплом свой купила, а?

– Вам про покупку дипломов лучше знать, – ответила я тихо, отчего Виктор Аркадьевич побелел и заткнулся, словно подавился собственным языком. Да-да, не нужно было этого говорить. Более того, не нужно было этого делать, но я не удержалась и как-то раз, после очередной публичной лекции о превосходстве мужского интеллекта над женским, поинтересовалась образованием самого нашего финансового аналитика.

Правило пятое. Предоставленные сами себе события имеют тенденцию развиваться от плохого к худшему.

Оказалось, что Виктор Постников – выпускник заочного факультета экономики некоего заведения с аббревиатурой МКИРЭ, что расшифровывалось как Московский коммерческий институт распределительной экономики – одному богу ведомо, что бы это могло означать. Иными словами, финансовый аналитик крупнейшего холдинга получил образование в месте, где, кроме как, пожалуй, анализов, и сдавать-то ничего не надо было. Эта информация повеселила меня и пару моих коллег, но я не собиралась ею делиться с самим Постниковым. Тем более – вот так, глупо, в лифте и от злости. Нашла же ты, Фая, решение: сказала человеку в лицо, что о нем думаешь. Умно, ничего не скажешь.

Правило шестое. Всякое решение плодит новые проблемы. Виктор Аркадьевич Постников смотрел на меня таким взглядом, что я заволновалась, как бы он не набросился и не решил бы задушить меня прямо в лифте. Но тут дверцы раскрылись, и мы оба оказались среди кучи коллег, ожидающих лифта вниз.

– Что вы имеете в виду, Фаина Павловна? – холодно спросил Постников.

– А вы что? – ответила я, теряя свою уверенность. Никогда я особенно не умела биться за свои права.

– Я убежден, что приходить в таком виде на работу недопустимо. От вас пахнет спиртным, Фаина Павловна!

– Что? – вытаращилась я, ибо единственное спиртное, употребленное мною за последнее время, была настойка пустырника, которую выпила, пытаясь уснуть – безрезультатно.

– Я буду вынужден написать докладную, – процедил Постников. – Являться пьяной в офис, господа!

– Я не пьяная, вы что себе позволяете? – невольно отреагировала я.

– Это вы что себе позволяете? Вам уже делали тест на наркотики, кажется, – бросил этот подлец через плечо, направляясь в сторону. Это был полный театр абсурда, но тем не менее на спектакль с интересом смотрели все, кто волею судеб оказался на площадке перед лифтами. Я

стояла и хлопала ртом, не находя ответа. Темные очки на моих глазах только добавляли веса словам Постникова, и я тонула, хватаясь за воду, а люди смотрели на меня и молчали. Никто не хочет участвовать в скандале, но никто не хочет и пропустить скандал. Дверцы закрылись, и я осталась одна, наедине с собой, в то время как все, чего хотел добиться Постников, у него получилось. Через пять минут после того, как я попала к себе в офис, на моем столе зазвонил телефон. Меня вызывал Крендель.

Кто сказал, что жизнь полна удивительных сюрпризов?

Информация к размышлению: Кренделев Георгий Михайлович, директор всего нашего подразделения IT. Тридцати пяти лет от роду (отмечали юбилей в прошлом месяце, гуляли всем офисом). Работе предан до фанатизма, в методах изощрен, первое образование – МГУ, к тому же только вчера из МВА. Знает про бизнес больше, чем может вынести мозг средне-статистических сотрудников средней руки. Постоянно пытается провести оптимизацию, чтоб его черт побрал. Реально хороший специалист в области управления. Наверное. Да, хороший. Повторяю это, как мантру, и стараюсь забыть о том, как Крендель «плавает», когда дело касается непосредственно IT. Путаает автоматизацию процесса с алгоритмизацией. Нет. Не важно. О таком начальнике можно только мечтать. Некоторые и мечтают, к примеру Маша Горобец из бухгалтерии, моя подруга, чье желание дружить со мной победило мое традиционное нежелание дружить с кем-либо. Иными словами, мы с ней близки уже много лет, невзирая на все мои возражения и сопротивление. Маша знает так много о Кренделе, ибо он – мужчина ее мечты, и она ежедневно уделяет как минимум одну десятую своего времени бодрствования попыткам приблизиться к «Олимпу», на котором наряду с другими начальниками восседает наш Крендель. Маша мечтает выйти за него замуж. Я этого не понимаю.

– Зачем тебе это надо? – спрашиваю ее я.

– Я буду создавать ему уют. Хранить очаг, – вздыхает подруга.

– Ему не нужен уют. Он работает по двадцать часов в сутки, и у него нет камина, – пожимаю плечами я.

– У него такие широкие плечи... – не унимается Маша. Впрочем, не знаю, я не сильна в таких вопросах, может, что-то у нее и выйдет. На юбилее она сподобилась станцевать с подвыпившим Кренделем медляк и теперь уверена, что это был прорыв в их так называемых «отношениях». Может быть, может быть...

Главная проблема Кренделя – он креативен до неприличия и любит всякие новомодные штуки типа тимбилдинга, из-за чего приходится порой страдать целому IT-подразделению. На Новый год Крендель устроил нам тут мюзикл, петь в котором пришлось даже мне. Одни костюмы чего стоили, мне пришлось шить себе шляпу в виде монитора, глупее этого наряда ничего еще в моей жизни не было. Наша самодеятельность потом долго бродила по Интернету с хэштегом #энергетикиразвлекаютсягутнеподетски. В общем, новатор он, наш Крендель, а мы страдаем. Но, вообще-то, мужик неплохой, местами даже дельный. Жаль не женат. Говорят, был влюблен в какую-то модель, а она ему сердце разбила. И кошелек тоже.

Кто говорит? Ну... люди. Маша Горобец.

– Так это правда! – воскликнул Крендель, едва завидев меня в дверях. – Ты что, пришла на работу пьяной? С ума сошла?

– Слухи разлетаются поразительно быстро, – не нашлась что возразить я. Вжалась в стену и постаралась отбросить непонятно откуда взявшееся чувство вины. – И, главное, им верят сразу, без всякой проверки. Вот ведь интересно. А меня учили, что исходные данные надо перепроверять. Может быть, зря?

– Ерничашь? – нахмурился Крендель, которого, по всей вероятности, сбил мой обиженный тон. – Между прочим, я получил сигнал! – И Крендель разразился монологом. Там было

что-то о престиже фирмы, о сложном времени, в которое мы попали не по своей воле, и что-то о дресс-коде.

Дресс-код, ха! Это у программистов-то? Да наш брат ходит так, словно в любой момент ожидает эвакуации в подземные убежища московского метро. Мы ходим так, будто живем в «Москве 2033». Кроме того, вчера я вообще не попала домой. Пришлось надеть старые джинсы, в которых обычно гуляю с племянником. Такой вот дресс-код.

– Ау, Ромашина, ты меня вообще слушаешь? – выдергивает меня из моих мыслей голос взбешенного Кренделя. Я ничего не могу с собой поделать, но когда начальство распинает меня, то проваливаюсь в пену разрозненных мыслей, теряя нить разговора. Начальству ведь главное – не мешать. Реальность налетает на меня, как фура на комара. Крендель сурово смотрит из-за своего стола – огромного темно-коричневого стола руководителя, на котором невероятно идеальный порядок. Наш Крендель – перфекционист и борец за мир во всем мире. Больше всего любит давать интервью журналистам, сидя за этим своим огромным столом.

– Конечно, слушаю, – автоматически ответила ему я, от злости переходя на «вы». – Причем, заметьте, совершенно трезвая, и вчера тоже ничего не употребляла. Готова, при необходимости, дуть в трубочки. Если Родина прикажет. В конце концов, в баночки писать меня уже заставляли.

– Фая! – возмущенно всплеснул руками Крендель и вскочил со своего места. Я до сих пор припоминала ему тот случай, когда Крендель заставил всех программистов сдавать тесты на наркотики. Да что там, каждый айтишник считал своим святым долгом возмущаться и вспоминать этот вопиющий случай.

Подначенный кляузой Постникова о том, что на двадцать шестом этаже творится черт-те что, что сотрудники IT-отдела совсем распоясались и в своих компьютерных и серверных наркотики курят, а первая среди них наркоманка и преступница Фая Ромашина, – Крендель назначил операцию «BI». В один прекрасный день всех нас выловили на выходе с работы, разогнали по туалетам и вынудили сдавать биологические жидкости для проведения драг-теста широкого спектра. Результаты были ошеломляющими. Двое ребят из отдела по обеспечению цифровой безопасности (вообще не наш отдел) оказались под кайфом, хотя на них никто и не думал. Их анализы вообще взяли случайно, за компанию. Фая Ромашина вышла из воды сухой и чистой, что неудивительно. Виктор Аркадьевич, наверное, догадывался, что наркотиков во мне – ни на грош, но удовольствие получил все равно. В любом случае дело было громким и скандальным. Парней уволили, все прошло, но осадочек остался.

– Что – Фая?

– Это была обычная рутина.

– Да, только эта рутина вообще не коснулась финансового отдела. Ладно, Георгий Михайлович, куда дуть? – Я переминалась с ноги на ногу, мечтая о том, чтобы пойти домой. Надо, надо было взять больничный. После такого восьмого марта, как вчерашний...

– Фаина, что у тебя с лицом? Тебя ведь ударили, да? Кто? Ты заявила в полицию?

– Что? Нет конечно! – фальшиво возмутилась я. – Никто меня не бил. У меня светобоязнь. Прохожу терапию. Мониторы, знаете, глаза убивают.

– Светобоязнь? Где ты тут свет увидела? Может быть, тогда ты на секундочку снимешь свои очки, чтобы мы закрыли этот вопрос? – предложил Крендель холодно кивнув. Я побледнела.

– Это мое дело, Георгий Михайлович. Не нужно в него лезть.

– Да, да, да, все на свете – твое дело. Никогда и ни с кем не стоит делиться ничем на свете. Так, да? Ты знаешь, Фая, ты ведь изменилась в последнее время. Стала какой-то дерганой, бледная ходишь. Что такое?

– Это я прическу поменяла. У меня все хорошо, – стояла я на своем.

– Ты – прекрасный специалист, но ведь если у тебя проблемы, одной тебе не справиться. А это нанесет ущерб всей фирме. Даже твой сегодняшний вид может ударить по нашей репутации.

– Послушайте, я не менеджер по продажам. Отпустите к компьютерам, там меня никто не увидит, и имидж компании будет в целости и сохранности.

– Я не хочу, чтобы ты думала, будто нам все равно.

– Очень жаль, что вам не все равно! – воскликнула я.

– Я на твоей стороне, Фая! – заявил Крендель таким тоном, словно только что предложил мне свою почку. Я покачала головой и отвернулась.

– На моей стороне, а Постникову поверили, что я пьяная на работу пришла? Я хоть раз в жизни такое делала?

– Я верю своим глазам. Тебя ударили. Это же ненормально, тебя кто-то обидел.

– Я прохожу лечение, глаза устают. Врач прописал очки, как попугай, повторила я, и Крендель тут же распрямился и посмотрел на меня так, словно он был завучем школы, а я – разочаровавшим его трудным подростком на перевоспитании.

– Врач, значит? – холодно процедил он.

– Да. Врач.

– Хорошо, Фая. Знаешь, что? Иди-ка ты... к психологу. Да, и никаких возражений.

– Что? – вытаращилась я, ибо такого поворота категорически не ожидала. – Это еще зачем?

– А затем, чтоб тебе голову на место поставили. Чтобы с тобой общаться можно было нормально и ты не приходила с глазами подбитыми. Ты с ума сошла? Разве можно позволять с собой так обращаться?

– А вот ваш любимый Постников считает, что бить женщин – правильно, – фыркнула я.

– Фая, все. Я, между прочим, и сам к нему ходил.

– К кому? К Постникову? Чтобы он вам глаз подбил? – рассмеялась я, что вызвало еще большую бурю со стороны Кренделя.

– Тьфу на тебя! – вспыхнул он, после чего принялся сосредоточенно перекидывать какие-то бумажки с правого края стола на левый. Затем бросил и швырнул в меня карандаш. – К психологу. К психологу я ходил. Очень даже хороший специалист, он мне помог справиться со стрессом.

– Хороший специалист, говорите? То-то вы карандашами изволите кидаться. Ты что, всерьез хочешь меня отправить к кому-то? Я за это платить не буду, – разорвалась я, от шока переползая обратно на «ты». – И вообще, мне работать надо. Кто мне глаз подбил – мое личное дело.

– Ага, значит, не отрицаешь, что у тебя глаз подбит? – возликовал Крендель. – Тебе нужна помощь, Фая, а у нас на фирме есть специалист. В соседнем здании сидит. И ничего не надо ему платить. Я сам ему позвоню.

– Не надо никуда звонить, – тут я взволновалась не на шутку, отчего потеряла последние остатки самообладания. Одно дело рекомендации, которые я могу принять, скомкать и выкинуть в ближайшее же мусорное ведро. Другое – что у нас, оказывается, теперь есть все условия для промывания мозгов, причем прямо не отходя от рабочего места.

– Еще как надо. – Крендель вцепился в трубку рабочего аппарата.

– Да зачем? – волновалась я. – Да вся эта ваша психология – чушь собачья. Это даже не наука, так – гадание на кофейной гуще. Может, ты меня к астрологу лучше пошлешь? Ну

что тебе глаз... Глаз – ерунда, я, может, БДСМ люблю. Сейчас он в моде. «Пятьдесят оттенков серого» читал?

– Файка! – строго прикрикнул на меня Крендель, набирая какой-то номер. – Постников на тебя рапорт подал, что ты ему в лифте хамила. И что ты пьяная была. А мне на этот рапорт все равно надо реагировать. У тебя же стресс. Все признаки налицо. На лице... – Крендель слушал гудки и стучал носком идеально начищенного ботиночка по ковровому полу. Я почти всю зиму носила мягкие угги, периодически сменяя их на ботинки с высокой шнуровкой, и просто не представляла, как можно посреди нашего марта иметь настолько чистую обувь. Все-таки как сложно будет Маше Горобец, если ее мечта исполнится. После того как она растопит камин и будет хранить очаг, ей еще придется перечищать море стильных ботинок. И костюмы в химчистку носить. И рубашки. А сама Маша Горобец вчера кетчуп на блузку в столовой капнула, пальцем поддела и слопала его. А пятно спрятала под замотанным платком. Вряд ли их с Кренделем можно назвать идеальной парой.

– Фаина Павловна, я не дозвонился сейчас, но позже обязательно.

– Да что ты, Георгий Михайлович, давай, я сама дозвонюсь. У тебя ж дела, тебе ж коллективом руководить надо. Оптимизировать неоптимизированное, алгоритмизировать не алгоритмизированное.

– Нет! – тут же воскликнул он. – Я уж лучше сам. Сходи к психологу, я тебя как человека прошу. Пройди профтестирование. И держись ты подальше от этого финансового отдела и Постникова, честное слово.

– Господи, бред-то какой. В суд, что ли, на Постникова подать? За клевету.

– Подай, подай, если совести нет. Только судов между сотрудниками мне еще не хватало. – Крендель сделал вид, что хватается за сердце. Я знала, что дважды в неделю Крендель ходит в спортивный зал, что осенью он участвовал в марафоне длиной в десять километров – они бегали по Воробьевым горам, и он, между прочим, занял там какое-то место в первой сотне. Звучит не как какое-то из ряда вон выходящее достижение, но учитывая, что всего там было тысячи четыре человек... Я бы умерла, если бы меня заставили бежать дольше пяти минут, а он грамоту на стену повесил. Не Крендель, а кремень. Так что я была спокойна за его сердце, ему угрожали только тайные планы Маши Горобец.

– Все, Фая, иди, – сказал он, отворачиваясь к окну, за которым открывался серый, урбанистический пейзаж. Вечерние огни еще долго не зажгут. На них я любила смотреть. С того места, где работала я, до ближайшего окна было три кабинета плюс два коридора. Но я не обижалась на жизнь, ибо изначально не ждала от нее милостей. Если всем давать по виду из окна, то как люди поймут, где начальство, а где так, не пойми кто! Успех измеряется и в стеклопакетах в том числе.

– Георгий Михайлович, добрый человек, но зачем? За что мне такая напасть?

– Мы тут, Фая, делаем все, чтобы сохранять комфортный микроклимат в коллективе, и хотим иметь возможность прийти на помощь даже тогда, когда человек стесняется или боится обратиться за ней.

– Я не стесняюсь и не боюсь, – фыркнула я. – Все психологи – шарлатаны. И потом, нет у меня стресса, нет. Клянусь! – простонала я, берясь за дверную ручку. Крендель не выдержал и швырнул в меня скомканным листком черновика. Я выскочила в коридор, показала Кренделю средний палец – мысленно, конечно, ибо в реальности такая жестикуляция легко могла привести к увольнению и тогда победа свиньи Постникова была бы очевидна и всеобъемлюща. Этого в мои планы никак не входило. И так я шла по офису со смутным ощущением поражения. Ведь не он, не этот лохотный пижон в синем галстуке под цвет машины будет вынужден объясняться с какой-нибудь выдрой, считающей, что она знает все на свете и понимает жизнь лучше всех. А главное, что она знает, как мне жить, и что мне делать, и что мне нужно поменять в себе. В конце концов, девиз всех психологов, всяческих терапий – не бойся менять себя. Но что мне

делать, если я не желаю менять в себе и один бит? Не то чтобы я была довольна собой. Нет, я замкнутая, в детстве меня даже подозревали в аутизме, но это было больше связано с тем, с какой скоростью я решала задачи по математике, включая задачи про рыцарей и лжецов.

Допустим, на острове живут только рыцари и только лжецы. Рыцари всегда говорят правду, а лжецы всегда врут. Рыцари и лжецы свободно ходят друг к другу в гости. Если вы в доме рыцарей спросите, кто перед вами – рыцарь или лжец, то это может оказаться с одинаковой долей вероятности и рыцарь и лжец...

Забавно, что в детстве больше всего меня интересовало, почему рыцари не выгонят лжецов из своего дома. С годами поняла, что среди рыцарей тоже немало лжецов. И часто среди лжецов встречаются психологи. А среди рыцарей – не психологи. Справедливости ради надо отметить, что возможен и обратный вариант. Диагноз аутизма мне никто никогда не ставил, но учителя продолжали немножечко опасаться. Правда, на городские олимпиады все равно отправляли – больше-то было некого, но всегда делали это с таким извиняющимся лицом. Мол, хорошо бы кого-то другого найти, но ты уж там не подведи, Ромашина.

Я никогда не любила участвовать в утренниках, стесняюсь выступать со сцены с речами, ненавижу места, где много незнакомых людей, не верю в знаки, в судьбу, в распродажи, люблю свою сестру, ее сына Вовку, не люблю ее мужа и его имя – Сережа. Теперь ненавижу этого придурка. Но я не хочу ничего в себе менять, даже из того, что я в себе терпеть не могу. К примеру, то, что мое тело – неуклюжее и неспортивное. Что я – компьютерный червяк. Что иногда во сне стучу по клавиатуре и мне снится компьютерный код, ползущий по черному экрану. Что никогда не знаю, какие кофточки с какими брюками сочетаются, а какие – нет. Что у меня маленькая грудь. Или это тоже можно изменить у психологши? О да, она скажет: принимай себя такой, какая ты есть, и только тогда ты сможешь измениться и достичь внутренней гармонии. Моя сестра обожает наштиговывать меня такими штампами.

Математик во мне говорит: если я приму себя такой, какая я есть, а потом изменю себя, это будет движение назад, ибо мне придется заново принимать себя такой, какая я буду после того, как я изменюсь. И какое отношение это имеет к гармонии, если даже неясно, как именно детерминировать понятие «гармония»? К примеру, гармония – это золотое сечение Леонардо да Винчи, или идеальная геометрическая фигура, или гармония простых чисел, или математические прогрессии, или бесконечное и прекрасное число π ... Как я должна достичь гармонии, лежа на кушетке у «миссис Фрейд»? Да, иногда я ненавижу себя, такое тоже бывает, но даже это я не хочу менять, потому что – кто знает, вдруг станет хуже?

– Фая, тебя где носило? Ты компилировать когда собираешься? – спросил меня Саша Гусев, наш старший программист, но произносил он все это не строго, а улыбаясь. У нас с Сашей отношения – хоть куда. С ним бы я точно пошла в разведку. Думаю, и он бы со мной. А что, ем я немного, могу не спать ночами, говорю с ним на одном языке. Проблема только в том, что и помимо меня с Сашей в разведку многие захотят сходить. Подтянутый, спортивный. Весь такой открытый, улыбчивый.

– Компилировать будем прямо сейчас, – ответила я, вздыхая. – Не скомпилируем, конечно, ни фигя. Вот почему никогда невозможно скомпилировать код с первого раза?

– Потому что если код компилируется с первого раза, значит проблемы не только в коде, но и в компиляторе. Закон Мёрфи. Придется переписывать еще и компилятор. Слушай, Фая, а тебе идут очки.

– Да? – хмыкнула я, в который раз подумав, что из всех сотрудников в нашем «Муравейнике» Саша был единственным, кому не кажется странным, почему это я на работе, в помещении, – и в солнцезащитных очках. – Ну спасибо. Тогда я так и буду ходить.

– Тебе звонили из отдела общественных связей. Тебе там назначен какой-то прием. Я оставил записку у тебя на столе. Она желтая, потому что они сказали, что этот прием – срочный.

– Вот черт! – брякнула я, падая на родной стул на колесиках.

Путь к мечте начинается с первого шага. Потом, правда, придется топтать бог знает сколько

Желтый стикер висел прямо над мерцающим экраном, вызывая негативные эмоции. Желтый – цвет тревоги. На стикере – номер кабинета и время. 12.30. Неужели же нельзя было записать меня к «миссис Фрейд» после обеда? Ну, неправильно это, выворачиваться наизнанку при пустом желудке, а ведь я сегодня даже позавтракать не успела. Добежала с племянником до садика, потом протряслась в автобусе, отстояла очередь из жаждущих купить билет на метро, потому что мой проездной неожиданно размагнитился – такое происходит со мной регулярно. Невезучая. А может, как программист, я излучаю какие-то волны, которые сказываются на магнитных полосах. Пришлось отстоять общую очередь, чтобы намагнитить билет. Еще минус десять минут. Я хотела перекусить на работе, как только приду, но жизнь в лице Постникова внесла свои коррективы – в худшую сторону, естественно. И вместо чашечки кофе и булочки с яблоком и корицей я получила стикер желтого цвета с номером кабинета и временем – 12.30. А уже 12.10. На черта мне сдалась психологическая помощь, когда мне бы лучше тарелку борща, – вопрос без ответа, но Крендель высказался категорически и даже сам, своей божественной рукой с часами за несколько тысяч евро, договорился для меня о приеме. Значит, придется идти.

Посидеть в кресле. Полежать на кушетке. Говорить. Нееет!

Может, мне удастся подремать во время сеанса? Интересно, заметит ли это «миссис Фрейд», если учесть, что я буду лежать, не снимая солнцезащитных очков. Господи, как же жрать хочется. Я подумала, что незачем тянуть кота за хвост, поставила текущую версию программы математической модели аварийных разливов нефти, над которой мы сейчас работали, на компиляцию и пошла к выходу. Нужно отделаться от психолога как можно быстрее и зайти пообедать. Чувствуется острая потребность как в протеине, так и в быстрых углеводах. Булку мне. Срочно!

– Пошла уже? Куда это тебя погнали? В чем ты могла провиниться? – спросил Саша, отрывая взгляда от экрана. Он смотрел на растекающуюся по воде нефть – прошлую версию нашего модулятора утечек. Нефть зависла, не дотекши и до середины экрана. – Ты же – чистый цифровой ангел.

– Обвиняют в развратном образе жизни, порочащем высокое звание программера.

– Ого. Круто. Я тоже так хочу. На твоём месте должен быть я, – хихикнул Саша, пытаясь реанимировать нефть.

– Напьешься – будешь. У нас, между прочим, завели новое гестапо – взяли психолога в штат, на ставку. Так что имей в виду, что психологи наступают. Не удивлюсь, если нас заставят снова какие-нибудь идиотские тесты сдавать.

– Как тогда с пятнами? «Что вы видите? Как – порно? Это же просто капли дождя!» – рассмеялся Саша, копируя дурацкий голос какой-то телеведущей, кажется Малышевой. – Слушай, Ромашка, ты же сегодня допоздна тут будешь?

– А что? – моментально насторожилась я.

– Ну...

– Опять? – всплеснула руками я. – Ты не много тренируешься? Как ты только не устаешь?

– От бадминтона невозможно устать, – заявил Саша, поглядывая на растрепанную, изодранную бадминтонную сумку, стоящую у стены.

– Значит, опять на тренировку надо пораньше уйти? – фыркнула я. Саша был заядлым спортсменом-любителем и за любовь свою к бадминтону расплачивался то вывернутой коленкой, то растянутой лодыжкой, то локтем, который он мазал какой-то ужасной, жгучей мазью. Но ничему жизнь его не учит. Никогда не понимала такого мазохизма.

– Не то чтобы надо, но мы с другом готовимся к турнирчику. Хотели позаниматься дополнительно. – В голосе у Саши отчетливо проявились просительные нотки. Подлиза. Знает ведь, что ему я отказать не смогу. Я покачала головой, и он тут же заулыбался. – Спасибо. Ромаша, спасибо тебе.

– Конечно! – воскликнула я, невольно возмущаясь. – Мне-то куда с работы идти? Я же тут живу, тут и помру.

– Слушай, а хочешь как-нибудь к нам на тренировки прийти? Я приглашаю. Тебе понравится!

– Ну, уж нет, – покачала головой я. – Я слишком стара для этого дерьма.

– Тебе двадцать семь, Ромашка.

– Ага, и все двадцать семь лет я ненавижу спорт, – хмыкнула я. – Причем даже больше, чем психологов.

– Ну и зря, – обиженно проворчал Саша. – Иди уже к своей «миссис Фрейд», раз так. Ничего ты, Ромашка, не понимаешь!

– Вы хотите поговорить об этом? – рассмеялась я и легонько подтолкнула Сашин стул к столу. Тот покатился, и Сашке пришлось ухватиться за край столешницы, чтобы не упасть.

– Иди, пьяница. И принеси мне кусок пиццы, если сможешь, – бросил он мне вслед. Если честно, работать нам с Гусевым было легко и приятно. Толковый кодер, он не грузил меня ничем лишним, не лез в душу, умел рассказывать пошлые анекдоты, от которых я хохотала до упаду. Все мои попытки повторить его анекдоты сестре заканчивались тем, что она смотрела на меня как баран на новые ворота, а потом спрашивала, что же тут смешного. К примеру, говорит один программист другому, что у того сын на него совсем не похож. А тот ему: «Да я тогда под другим логином заходил!»

– Не подскажете, где тут кабинет 2109? – спросила я, выйдя на предположительно нужный этаж «Биг Бена». В коридорах тут чистенько, стены стеклянные, завешенные широкими жалюзи, в стойке лежат газетки. Цивилизация! Людей же, напротив, мало – одна девушка пробежала мимо, еле удалось остановить.

– Вы к апрелю? – переспросила она меня. Бледная кожа, серый деловой костюм – жилет, юбка и пиджак. Ей погоны приделай, получилась бы милиционерша советских времен. Откуда такой дресс-код? Зачем нужно носить такой ужас? Да потому, что, если только ты хоть чуть симпатичнее табуретки, в таком холдинге, как наш, лучше слиться с серыми стенами, завязать волосы в уродливый хвост и сделать вид, что у тебя вообще нет пола.

Я бы тоже носила серое, если бы не имела права ходить черт-те в чем. Девушка, в свою очередь, с интересом смотрела на мои угги, джинсы с дырой на колене и бесформенный свитер. Апофеоз образа – о боже! – солнцезащитные очки.

– Так вы что, к апрелю? – повторила она свой в высшей степени странный вопрос. Я на секунду задумалась.

– Я хотела бы попасть туда еще в марте, – аккуратно ответила я, а девушка вдруг расхохоталась и махнула рукой куда-то в сторону.

– Вам прямо и направо. До конца коридора.

– Спасибо и на этом, – пробормотала я, силясь понять, что такого смешного было в моих словах и что не так с моим чувством юмора, что я «не догоняю» каких-то простых вещей.

«Догнала» я через минуту и двадцать секунд, когда нашла кабинет. На двери в конце коридора висела табличка:

Апрель И.В.

Кабинет психологической поддержки.

– Апрель, значит, – вздохнула я. Надо же, какая фамилия странная. Добрый день, я Апрель. Апрель – никому не верь. Я бросила взгляд на экран телефона, который все еще сжимала в руке. 12.40. Сейчас мне будут сносить мозг за опоздание. Бедный, бедный мой мозг, мало ему компиляции. С другой стороны, меньше времени до прихода другого клиента. На десять минут меньше нотаций. Я постучала в дверь, но никто не ответил. Вот это номер! Эта И.В. что, уже ушла? Решила, что десяти минут ее драгоценного времени достаточно и больше меня ждать не стоит? Что ж, это даже к лучшему. Пойду спокойно пообедаю, а Кренделю скажу, что терапевтический эффект – умопомрачительный. И что теперь буквально заново родилась. Я уже потирала ручки, когда заметила, что кабинет-то психотерапевта не заперт. Тонкая щель убедительно доказывала это. Глухая она, что ли? Я постучала сильнее, но с тем же самым результатом.

– Ау! – тихонько крикнула я, что само по себе не так уж легко, ибо нужно было не нарушить рамок приличий, но при этом сделать это достаточно громко. Но в ответ – тишина. – Ау, есть кто живой? Мертвый? Мумифицировавшийся? Господи, что я несу!

Я покачала головой, которая уже была наполовину всунута в комнату. Любопытной Варваре на базаре нос оторвали, но мой – ничего, не пострадал. Однако быть в комнате только головой оказалось не очень удобно, и я просунула плечи и еще некоторое количество собственного торса, но так, чтобы положение моего тела в целом все же можно было рассматривать как «я только на секундочку заглянула, чтобы узнать, кто в домике живет». В домике никого не было, но сам домик был – полная чаша. Таких кабинетов я нигде не видела, кроме, пожалуй, двадцать седьмого этажа. Но «Олимп» есть «Олимп», ничто не может сравниться с его блеском и великолепием.

– Мне назначили. Фамилия моя Ромашина, – пробормотала я так, скорее, для приличия, прекрасно зная, что никто меня не слышит. Просто стало любопытно, как живут рядовые психотерапевты крупных корпораций. Сколько стресса они, должно быть, снимали, если получили такие условия. Перед моим пытливым взором открылся вид на просторный кабинет, в котором было, наверное, в раз десять больше света, чем на всем нашем двадцать шестом этаже. Кабинет был угловым, и остекление, обычно занимавшее одну стену, тут покрывало сразу две. Я тут же представила, какой шикарный, должно быть, вид на Москву открывается по вечерам. Мебель тут была не серой, а темно-коричневой, какой-то даже терракотовой. На стеллаже у стены стояли книги с яркими обложками, на диване помимо журналов имелись еще и подушки.

Я подумала, что если мне и вправду дадут возможность полежать тут во время рабочего дня, то не так уж я и против сеансов с «миссис Фрейд». Она мне уже даже нравится. На полу около окна несколько горшков с цветами. С ботанической точки зрения наш офис – пустыня. Только на первом этаже, в главном вестибюле «Биг Бена», имеются большие дорогостоящие фикусы, которыми занимаются клининг-менеджеры. Фикусы жирные, зеленые и настолько блестящие, что порой кажется, что это восковая имитация. У нас на двадцать шестом растительность только в виде многочисленных кактусов, которые, так уж считается без особых к тому доказательств, поглощают радиацию. А тут, в кабинете психологической поддержки, орхидеи, распушилась гардения, выпендривается гордо синеющий гиацинт. И аквариум. Большой, во всю стену, похожий на окно в другой мир. Такой же, только цифровой, у нас на огромном

демонстрационном мониторе. Аквариум активируется, когда компьютер переходит в спящий режим, и тогда по комнате начинают плавать разноцветные рыбы. Медитация и здоровье.

Конечно, живые рыбы были бы куда лучше.

Я сама не поняла, как ноги перенесли меня через весь кабинет, но когда очнулась, то уже «залипла» у экрана... то есть у аквариумного стекла, рассматривая рыбин, которые рассматривали меня. Там было несколько рыбок «Немо» и парочка «Дори» – точно таких же, как в любимом мультике моего племянничка Вовки. Больше всего меня поразила любопытная до полнейшего хамства рыбина размером с картошку, вся в ярко-красных бахроминах, которыми она размахивала как опахалом. Рыбина смотрела на меня, проплывая то вправо, то влево, ибо строение ее анатомии не позволяло ей посмотреть на меня обоими глазами сразу, чего ей, видимо, очень хотелось.

– Добрый день! – услышала я, когда уже окончательно погрузилась в аквариум – не руками, конечно, а мысленно. Я показывала «картошке» язык и чуть не прикусила его, когда поняла, что меня поймали на месте преступления. Вторглась в чужой кабинет. И как мне теперь себя оправдать?

– Добрый. Мне тут сказали ждать, – брякнула я, и только потом посмотрела, кого это занесло в комнату поддержки.

В дверях стоял мужчина, которому, наверное, ни разу в жизни не приходилось иметь дело со стрессом. Только, разве что, отбиваться от влюбленных баб. Такого ни в коем случае нельзя показывать Маше Горобец, а то она спать перестанет и будет гоняться за новой мечтой. В сравнении с этим мужчиной-«Феррари» наш Крендель был не больше чем «Ладой Калиной».

– Ага, – кивнул он, озадаченно рассматривая меня. Он был высокий, но не как каланча, а в самый раз, в меру, если в сантиметрах, то, наверное, сто восемьдесят пять или чуть больше. Широкий в плечах, но не амбал. Редкий тип мужской фигуры, на которой костюмы сидят просто идеально. Такие рождаются, чтобы потом пить коктейли на приемах и попадать в светскую хронику. Но лицо не слащавое, а напротив, серьезное, приятное: высокий лоб, острый взгляд серо-зеленых глаз. Отдаленно он напомнил мне Малдера из моих любимых «Секретных материалов». Такая же голубая рубашка, непринужденная походка.

– А вам Апрель нужна? – спросила я, продолжая стоять около аквариума с самым невозмутимым видом. Наглость – второе счастье. Малдер откашлялся и растерянно посмотрел по сторонам. – Ее нет.

– А когда будет?

– Ну... скоро, – ответила я. – Я тоже ее жду.

– Ага, – снова пробормотал Малдер, засовывая руки в карманы брюк. Я-то больше надеялась, что он отвалит восвояси и я смогу потом последовать за ним к себе в отдел. Но Малдер стоял и смотрел на меня так, словно я сама была паранормальным явлением. – А очки? Что-то с глазами?

– Да, – кивнула я. – Светобоязнь. Прописал врач.

– А не темно? Наверное, в них неудобно? И вопросы задают, да?

– Странно смотрятся, да? – тихонько рассмеялась я. – Из-за них мне сегодня сказали, что я пьяна.

– Люди достраивают образ. Они видят человека, погруженного в себя, в солнцезащитных очках, усталого, явно избегающего социальных контактов, и тут же навешивают ярлык. Так уж люди устроены. – И Малдер развел руками, добродушно улыбаясь. Подозрение тут же меня пронзило, как удар электрошока, и я замерла, потеряв на какое-то время дар речи. Идиотизм.

Конечно, если уж можно вляпаться еще глубже, это непременно должно было произойти. Особенно когда речь идет обо мне.

– Вы – Апрель, – пробормотала я, отворачиваясь и пытаюсь раствориться в воздухе. К сожалению, я не волшебник, только учусь, и все, чего добилась, – это пересекла комнату и достигла области дивана. Малдер улыбался и стоял в дверях.

– Забавная история с моей фамилией. В моей семье существует легенда, что когда-то, в одна тысяча восемьсот двадцатом году, нашему предку явился святой целитель Пантелеймон и пообещал, что даст целительские способности. Случилось это в апреле, и после этого предок мой и все его потомки становились или целителями, или священниками, или врачами.

– Интересно, – пробормотала я, пытаюсь понять, разозлен на меня этот возмутительно красивый пижон или нет. Ведь я не только вломила к нему в офис, но и врать начала. Вот ведь идиотка несчастная. – Интересно, а вы, будучи психиатром, к какой себя категории относите? Конечно, врачей.

– Ну, во-первых, я не психиатр, а психотерапевт, – поправил меня он. – А во-вторых, ну не священник же я.

– Не священник, да, – ухмыльнулась я против воли. – Но в целители вас записать можно.

– Это еще почему, интересно? – И мой новоявленный Малдер аккуратно прикрыл за собой дверь в кабинет.

– Знаете, есть научное исследование, в котором изучали воздействие на уровень стресса при работе пациентов с профессиональными психологами и с непрофессиональными целителями, которые занимались своим делом много лет. Статистика показала, что эффект от сеанса заключался не только и не столько в методах, которыми пользовались и специалисты, и шарлатаны. Эффект зависел от других вещей.

– От каких же? – заинтересовался Малдер, не проявляя при этом ни малейших признаков обиды. Только интерес. – Впрочем, позвольте предположить. Личность терапевта оказывалась доминирующей, не так ли? Если удавалось установить контакт с пациентом, добиться его доверия, то прогресс шел.

– Не прогресс, а нечто, что сам пациент считал прогрессом, – возразила я, присаживаясь на диван. – Ведь психология как наука крайне субъективна, и если только нет возможности каждый раз проверять каждого пациента с помощью МРТ, то ориентироваться приходится на то, как пациент себя чувствует.

– Ну а если пациент начал хорошо спать, это можно считать позитивной динамикой? – поинтересовался Апрель.

– А если он начал хорошо спать после того, как колдун провел над ним серию манипуляций, можно считать, что этот колдун действительно вызывал духа сна? – ответила вопросом на вопрос я, и Малдер рассмеялся.

– Значит, вы считаете психологию лженаукой.

– Вовсе нет, – покачала головой я. – Согласно традиционным представлениям о научном прогрессе, психология в настоящий момент находится в стадии сбора, анализа и классификации эмпирических данных. Важный этап.

– Эмпирических данных... Как интересно, как интересно! Откуда, позвольте спросить, такое глубокое познание темы? Учились?

– Да никаких глубоких познаний, – покачала головой я. – Так, нахватались по верхам, как обычно.

– Такое для вас обычно? – ухмыльнулся Малдер. – Кто же вы, Алиса Селезнева? Гостья из будущего, где психологи знают о работе мозга все и вся?

– Я робот Вертер, – ответила я, пытаюсь справиться с бурчащим желудком. Хочу есть. Вот беда!

– И я так полагаю, помощь моя вам на самом деле не нужна.

– В целом, доктор, нет. Я в полном порядке, – кивнула я.

– И глаза у вас болят от лечения и вам доктор прописал очки, да?

– Ну... да.

– А от меня вы хотите, чтобы я написал вашему начальству, что с вами все хорошо и нет никаких причин ожидать проблем? – Малдер неожиданно перестал улыбаться и посмотрел на меня строго, пронизывающим взглядом, я бы даже сказала, с обвинительным уклоном.

– Доктор... – промямлила я.

– Хорошо! – неожиданно легко бросил он и хлопнул в ладоши. – Я так и сделаю.

– Правда? – улыбнулась я. – Спасибо. Честное слово, со мной полный порядок.

– О, Фаина Павловна, совершенно очевидно, что под глазом у вас синяк. И хотя я совершенно уверен, что вы пришли на работу трезвой, это вовсе не значит, что с вами все в порядке. Однако, учитывая ваше отношение к нашему брату психологу... Не навязываться же вам против вашей воли.

– Значит, вы считаете, что у меня проблемы, да? – спросила, нет, процедила сквозь зубы я. – Считаете, что одного взгляда на меня достаточно, чтобы понять, что у меня внутри.

– Я этого не говорил.

– Но вы... – Я запоздало сообразила, что так и не знаю имени мистера Апреля. – Вы уверены, что...

– Игорь Вячеславович, – любезно подсказал он, но тон его оставался сдержанным.

– Вы совершенно уверены, Игорь Вячеславович, что у меня проблемы.

– У вас синяк под глазом, конфликт с коллегой – с одним как минимум, усталый вид – возможно, бессонница, головные боли. Вы вся на взводе и, кажется, не завтракали. Вас что-то сильно беспокоит.

– Да что вы говорите. Беспокоит? Всех что-то беспокоит. Это, знаете ли, пальцем в небо.

– Ну, я же не претендую на лавры предсказателя, в самом деле, – улыбнулся он. – Но вам я помочь могу.

– А мне никакая помощь не нужна, – возмутилась я, встала с дивана и подошла к двери, горя желанием уйти и никогда не видеть больше этого выскочку в идеально отглаженном костюме. Что он на себя берет? Как он смеет тыкать мне в нос моими проблемами... И как он смеет быть НАСТОЛЬКО ПРАВ?!

– Знаете что, Фаина Павловна, я вам хочу предложить. Пойдите-ка пообедайте, сейчас как раз самое время. Я тоже пообедаю, кстати. Правильное своевременное питание удержало на грани нервного срыва не одну нервную систему. А уже после приходите ко мне, часикам к трем. – И он поднял руки так, словно заранее капитулировал передо мной. – Конечно, если сочтете нужным. Идет?

– Бежит, – хмуро буркнула я. Тогда Малдер снова хлопнул в ладоши, улыбнулся и тут же направился к двери. Он выпустил меня из комнаты, галантно придержав мне дверь. На секунду я испугалась, что он решит идти вместе со мной в столовую. А что, если там Машка Горобец, которой, небось, уже донесли о моем триумфальном утреннем восшествии на плаху? Не хватает с ней объясняться. К тому же она непременно решит влюбиться в этого Малдера. Еще бы, такая небрежная походка, прямая осанка, широкая грудная клетка, уверенный голос. Ее любимый цвет, ее любимый размер. Я же больше всего на свете хотела покоя и пожать.

– Увидимся в три, Фаина Павловна, – сказал мне Малдер и развернулся, намереваясь уйти в другую сторону по коридору.

– Или не увидимся, – упрямо заявила я, на что он только улыбнулся и кивнул.

– Конечно. Или не увидимся. – И ушел, оставив меня хлопать ртом, как его рыбы из аквариума. Уже стоя в лифте, я поняла, что пойду к нему на прием. Не потому, что мне на самом деле нужна чья-то помощь. Просто... любопытно, что он скажет дальше.

Все, во что веришь, превратится в реальность. Мысль, знаете ли, материальна

Суп-харчо, жареные зразы с грибами, пирожок с курагой – ничто не могло успокоить меня после этого странного разговора. Даже то, что мне достался стакан вишневого компота, который я так люблю и который всегда разбирают до моего прихода – даже это я едва заметила, раздумывая над тем, что произошло. Все во мне говорило, что не стоит идти на прием к этому зеленоглазому Малдеру, слишком красивому и благополучному, чтобы понимать таких людей, как я. Но в то же время что-то необъяснимое требовало, чтобы я пошла к нему – и немедленно. Может быть, все дело было в том, что он оставил мне выбор? Не стал убеждать, что психология – это панацея от всех бед, начиная с прыщей на лбу и заканчивая взрывами в ливанских торговых центрах. Так или иначе, а в три часа с небольшим я оказалась в том же самом коридоре, подпирающая собой в нерешительности стену. Меня поймали в ловушку. Я пыталась понять, что за наживку заглотнула. Ведь не верю же я, в самом деле, что напыщенный пижон в идеально отглаженном костюме может решить мои проблемы? Тогда зачем я здесь?

Игорь Вячеславович, расслабленный, без пиджака и с заброшенным на плечо галстуком, высунулся из кабинета и с удивлением посмотрел на меня.

– Что же вы стоите тут? – услышала я его насмешливый голос. – Может, стоит пройти внутрь?

– Я еще не решила, – отбрила его я, но Малдер только рассмеялся и нырнул обратно. Его смех стоял у меня в ушах. Ишь, какой беззаботный. Я чувствовала себя глупо. А еще – я была совершенно без сил. Пришла сюда, влекомая не самим Малдером, а его диваном. Вот он, ответ. Я просто не хотела идти работать. Эта мысль порадовала меня и вселила умеренную долю хорошо сдерживаемого оптимизма. Значит, не так уж и нелогично мое появление здесь. Я зашла в кабинет и спросила, куда мне присесть. Игорь Вячеславович в это время был занят, поливал цветы, держа в руках ярко-оранжевую лейку с длинным пластмассовым носиком.

– Занимайте диван, я сейчас.

– Можете не спешить, – ответила я. – У вас тут море журналов.

– Это да. И не все, прошу заметить, про психологию. А вы, значит, психологов не жалуете. Почему? Разве плохо собирать эмпирические данные? – спросил меня Малдер, когда я устроилась в уголке, положив локоть на одну из многочисленных его диванных подушек.

– Неплохо, если это не мои эмпирические данные, – ответила я, акцентируя внимание на слове «мои». – Не люблю, когда копаются в моей личной жизни.

– Это я понял, – улыбнулся Игорь Вячеславович, ставя на пол пустую лейку. – Ну что ж, придется в таком случае копать в чем-то еще. Давайте сегодня просто познакомимся поближе и обозначим, так сказать, главные правила.

– Сегодня? – невольно ахнула я. – Разве это будет не единственная наша встреча?

– Вам в солнцезащитных очках достаточно комфортно? – спросил он в ответ. И я покраснела.

– Уверена, что без них мне будет менее комфортно.

– Почему? – поинтересовался Малдер, и я несколько опешила, не зная, что мне ответить. – Я просто хотел сказать, что ходить в таких очках – как повесить на груди вывеску, что вас кто-то ударил. Может быть, это даже более очевидно, чем если бы вы ходили просто с синяком.

– Ну, это вряд ли! – фыркнула я.

– Почему же? Ведь если вы не скрываете синяк, значит, что не стыдитесь его. Может, вас ударили хулиганы или пчела укусила?

– Пчела? – рассмеялась я.

– Ну... некоторые синяки вполне похожи на укусы насекомого.

– Значит, вы считаете, Игорь Вячеславович, что я стесняюсь синяка? – спросила я, и тут же сняла очки, которые, признаться, и саму меня уже измучили. Ничего не видно, то и дело норовишь оступить или врезаться в кого-то. За компьютером работать еще можно, а жить – сложновато.

Итак, я сняла очки. Подслеповато сощурилась, что и неудивительно после стольких часов, проведенных в искусственной темноте. Психолог смотрел на меня спокойным, изучающим взглядом, не пытаясь отвести взгляд, высказать мне сочувствия или проявить любопытство. И молчал. Это было странно, даже возмутительно. В конце концов, синяк был ужасным. Когда с утра я смотрела на себя в зеркало Лизкиной ванной, то хотелось плакать от жалости к себе. Ну почему я такая, вечно вляпаюсь? А тут – никакой реакции, то есть абсолютно. Разве это нормально? Особенно со стороны психолога.

– Может быть, теперь вы расскажете мне, что я сама виновата в том, что получила в глаз? – пробормотала я, невольно злясь на Малдера и на себя. Не нужно было мне к нему приходить.

– А вы сами как считаете? – спросил он, продолжая сохранять эту омерзительную нейтральность.

– Теория взаимного выбора жертвы и мучителя – самая абсурдная и глупая из всех тех, которыми оперирует психология, – ответила я хмуро. – Это надо же придумать, что жертва подсознательно желает, чтобы ей дали в глаз и ищет возможности для реализации этого желания. Возможно, это чувство вины, да? Возможно, я просто наказываю себя за что-то? Стремление к саморазрушению? Попытка привлечь к себе внимание?..

– ...вызвать жалость? – добавил Малдер, хитро улыбаясь. – А вы неплохо подкованы.

– Неплохо подкованы кони на ипподроме. А вот скажите, желание сочувствия тоже можно записать в ролевую модель жертвы, да? Вы никогда не хотели, чтобы вам посочувствовали?

– Да почти каждый день, – заверил меня Малдер. – Особенно когда мне приходится иметь дело с грубыми пациентами, которые явно считают, что я зря просиживаю штаны. – И он снова улыбнулся так, словно мои слова не обидели его, а только повеселили. Я же пыталась понять, какой это бес в меня вселился, что я набрасываюсь на этого ни в чем не повинного человека, который, отдаю ему должное, просто желает понять, все ли в порядке в подведомственном ему холдинге.

– Вам требуется сочувствие? – рассмеялась я. – Только не вам, уж простите.

– Это еще почему? – уточнил Малдер, сощурившись. – Я, по-вашему, не человек?

– Все психологи имеют пуленепробиваемое подсознание. И потом, разве это не будет проявлением слабости?

– А вы, значит, считаете, что проявление слабости – это грех?

– Нет, это вы так считаете. Разве нет? – переспросила я и неожиданно для самой себя испытала непреодолимое желание прилечь на диване.

– Боже упаси. Слабости, как правило, – это самые интересные стороны человеческой личности. Вы, Фаина Павловна, располагайтесь поудобнее. Чувствуйте себя как дома.

– Вам не говорили, что вы – очень странный психолог? – спросила я и вытянула ноги – прямо так, в уггах. Я рассмотрела, конечно, вариант снять угги, но он показался мне еще менее приемлемым. Значит, как дома? Я положила голову на подушку и уставилась в потолок. Так,

кажется, положено лежать, когда с тобой разговаривает «доктор Фрейд». Интересно, когда этот «доктор Фрейд» меня выгонит? На сколько хватит его профессионализма?

– Интересно, откуда у человека, столь негативно относящегося к психологии, такая подробная информация о ней? – спросил Игорь Вячеславович. Я попыталась приподняться, чтобы ответить, но он меня остановил. – Нет-нет, вы лежите. Просто отвечайте.

– А вы что, вправду считаете, что можете мне помочь? – ответила я вопросом на вопрос. – Допустим, я вам открою душу. Вы ведь этого хотите?

– А вы не хотите?

– Нет, не хочу. Откроешь вот так душу, начнется сквозняк, наметет всякой пыли-грязи...

Лучше уж я сама.

– Сама. Значит, думаете, справитесь?

– Не справлюсь – тогда и приду к вам.

– Давайте так, Фаина Павловна. Если я вам не помогу сегодня, вы больше не придете ко мне. Я навязываться не буду. Но раз уж вы все равно здесь...

– То есть вы планируете помочь мне прямо сейчас? – поразила я, да так, что чуть не встала с дивана.

– Лежите, пожалуйста, – повторил Игорь Вячеславович, но на этот раз настойчивее. – Не вставайте. Маленькие правила, которые нужно соблюдать. Лежите. И закройте глаза.

– Ого! Закрывать глаза и вспомнить детство? Как меня обижали, как я обижала...

– Можно и вспомнить детство, если хотите. А вы многих обижали? – заинтересовался он, продолжая говорить негромко, приятным, мягким тоном. Я услышала шаги Апреля где-то за диваном, затем вдруг до меня долетела тонкая, ненавязчивая мелодия.

– Музыка? Уже больше напоминает сеанс СПА, – улыбнулась и зевнула я. – Теперь и вправду начинаю верить, что наш крокодиловый холдинг заботится о своих сотрудниках.

– Крокодиловый? Почему? – тихо спросил Малдер.

– А вы в отделе по работе с клиентами были? А в финансовом? Не видели никогда, как проходят у них там планерки и пятиминутки? Только зубами клацают. Для нас ведь отбирают самых зубастых.

– И вас тоже?

– Я-то? Что вы! Я же простой программист. Как старая черепаха Тортилла с монитором вместо панциря. Нет, я в крокодиловых забегах не участвую. Ну что, вы уже достаточно сделали, чтобы установить со мной контакт? Когда начнете спрашивать, как же это я дошла до жизни такой, что мне глаза подбивают? – Я испытывала чудовищное желание свернуться клубочком, иными словами, принять позу зародыша, но решительно отвергла эту идею. Не буду давать материала для анализа моей перекореженной личности.

– Не обязательно. Вы же говорили, что можно детство вспомнить, – тихонько рассмеялся он. – Обвинить во всем кого-нибудь... ммм, впрочем, я еще не определился. Вы и в самом деле очень скрытная девушка, Фаина Павловна... Может, маму или папу?

– Лучше дядьку, – схитрила я. Хотя никакого дядьки у нас с Лизкой никогда не было ни по папиной, ни по маминной линии.

– Значит, во всем будем винить вашего дядьку, – кивнул Игорь Вячеславович. – И в том, что вы получили в глаз, тоже?

– Девушки выбирают мужей по образу и подобию своих отцов, – пробормотала я. – А я – по дядьке, значит, ориентировалась.

– Ага, значит, вы замужем.

– Конечно! – радостно подтвердила я. – Это же очевидно.

– Так это вас, значит, он так отделал?

– Кто? – пробормотала я, забыв, о чем мы говорили.

– Ваш муж?

– Мой муж, ах да... Он, он! – подтвердила я, зевая во весь рот. Не говорить же ему всей правды. Все люди любят стандартные истории, и не стоит обманывать зрителей. Какое ему дело до правды?

– А почему вы в полицию не заявили? – Голос психолога как-то все больше затихал, отдалялся, словно он говорил со мной сквозь толщу темной, плотной воды, под которую меня затаскивала какая-то непреодолимая сила. Я чувствовала свое тело, но почти не управляла им. Сила была мощной, но не злой.

– А почему вы решили, что я не заявила? – фальшиво обиделась я, повернув лицо к спинке дивана. Лежать было хорошо. Особенно если учесть, что я не спала две ночи подряд. Пожалуй, единственная сейчас проблема, с которой бы мне хотелось справиться, – моя бессонница. Черт его знает почему, но я не могу просто так взять и уснуть. Ворочаюсь, ворочаюсь.

– Заявили?

– Ну... нет. Но это просто потому, что я дура. И потом, я верю, что он изменится.

– Серьезно? – я услышала, как застучали пальцы доктора по клавиатуре. Значит, он еще и записывает весь этот бред.

– Совершенно серьезно, – заверила его я, все больше входя в роль. – А еще он мне говорит, что это все из-за меня, что я не так себя веду, что перестала за собой следить. А он просто не может этого выносить.

– Даже так? – Тихий смех Игоря Вячеславовича прозвенел, как хор цветочных колокольчиков. – А раньше вы как выглядели?

– У меня были длинные светлые волосы, и я смеялась по каждому поводу. И все время думала, что меня ждет светлое будущее. И большая любовь, – продолжала я. – А потом растолстела, пострашнела и поглупела. Ну... это если верить тому, что говорит мой муж.

– А вы верите?

– Я? – на моем лице появилось удивление. – Ничему не верю. И ничего не хочу.

– Совсем ничего? – удивился психолог. – Все чего-то хотят. Как вы сказали – чтобы все было хорошо, светлого будущего, большой любви.

– Вот только любви мне не нужно. Этого еще не хватало, – ответила я, но, сколько ни ждала ответа, его не последовало. Только мерный стук клавиатуры. Может, я только подумала, но не сказала вслух? Может, мне показалось, что ответила.

– Любовь нужна всему на свете, даже имбирному печенью, – сказал кто-то, но голос вроде был женский. Фраза показалась мне смутно знакомой, но я никак не могла вспомнить, где я могла ее слышать. Мне захотелось вдруг имбирного печенья, да так сильно, что я почувствовала его вкус у себя во рту. Я огляделась. Мир изменился, потерял четкие контуры, а мое тело стало легким, как пушинка. Я побежала искать печенья. Мама иногда делала такое, если у нас в доме оставался ненужный, залежавшийся имбирь. Мама терпеть не могла всякие порошки-концентраты, сушеные, перетертые, поэтому она покупала натуральный корень, больше похожий на какой-то древесный гриб. Мама делала соусы к мясу, кисло-сладкие, пряные, вкусные, добавляла имбирь в чай. После этого чая во рту немножечко жгло, но все равно было очень вкусно. Лизавета не любила чай с имбирем, а я обожала. Мама любила Лизу больше, чем меня, но говорила, что любит нас одинаково. Я тоже любила Лизавету больше, чем себя, так что вполне могла понять маму и ее чувства. В детстве сестра была как китайский фонарик. Плыла по небу и светила, а я стояла обеими ногами на земле, сжимая в руках горячую чашку с имбирным чаем. Я даже почувствовала запах имбиря, и странная мысль, что наш новый корпоративный психолог жарит в своем офисе имбирь, заставила меня рассмеяться.

Одновременно с этим я проснулась.

– С добрым утром, – тихо сказал Игорь Вячеславович и рассмеялся. – Ничего себе. Почти два часа проспала, Фаина Павловна. Хорошо, очень хорошо.

– Что? Как! – Я изумленно огляделась по сторонам. В комнате стало темно, и это был дурной знак. И да – я улеглась-таки в позу зародыша. Я запоздало попыталась убедить себя, что все еще сплю, но это не помогло, ибо если было бы правдой, то означало, что я все еще сплю все в том же офисе психолога. А это уже катастрофа.

– Как вы себя чувствуете? Я позвонил в ваш отдел и сказал, что настоял на том, чтобы вы сегодня взяли отгул.

– Я не беру отгулов, – обмолвилась я. – Никогда!

– Интересно, что именно так мне и ответили.

– Кто? – снова с запозданием отреагировала я. Вечерний вид из кабинета нашего штатного психолога действительно радовал. Ночной город светился, как новогодняя елка, с двух сторон заливая кабинет иллюминацией. Комната освещалась только светом от домов и бледно-голубым светом от монитора, отражавшимся на лице Малдера. Он выглядел усталым.

– Кажется, его зовут Александр. Приятный молодой человек. Сказал, что никаких проблем.

– О господи! Я же обещала отпустить его пораньше. – Я вскочила с дивана и огляделась. – Может быть, еще не поздно? Сколько времени? О, я успею. Извините, но я должна бежать. Простите, что так...

– Да успокойтесь, пожалуйста, – свел брови Малдер. – Все в порядке. Не надо никуда бежать.

– Надо, надо, – пробормотала я, похлопывая себя по карманам. Вроде ничего не забыла. Какой позор – уснуть в кабинете психолога. Прямо на приеме. Посреди, можно сказать, поисков истины...

– Фаина Павловна, скажите, проблемы со сном у вас только сегодня или вообще?

– Что? Какие проблемы со сном? Нет... я...

– Я спрашиваю только потому, что у вас налицо все признаки переутомления. Я мог бы для начала выписать вам один препарат – очень легкий, чтобы снять напряжение.

– Какой препарат? Наркотический? Ого! – живо заинтересовалась я, но Малдер хитро улыбнулся и покачал головой.

– Как часто у вас бывает бессонница?

– Иногда, – ответила я со всей возможной неопределенностью.

– Перефразирую вопрос. Как часто вы спите нормально? Сколько дней в неделю? Все семь? Шесть? Пять?

– Иногда, – упрямо повторила я.

– Ох... – И Игорь Вячеславович посмотрел на меня недовольным взглядом учителя, в очередной раз обнаружившего не сделанное домашнее задание. Я огляделась, нашла валяющийся на полу пропуск и решительно направилась к двери. Уже стоя на пороге кабинета психолога, я обернулась к нему.

– Я бы взяла рецепт. Плохо сплю, – призналась я, и это было единственное слово правды, сказанное мною на этом сеансе.

– Я вижу, – кивнул он. – Но в этом случае я должен быть уверен, что вы придете снова. Даже если станете опять рассказывать мне сказки про несуществующих персонажей.

– О чем это вы? – фальшиво удивилась я. – Сказки?

– Про мужей и про белые волосы.

– Ах, эти... значит, вы не поверили?

– Ни единому вашему слову. Так вы придете?

– Не знаю. Может быть. Да. Наверное. – Я неуверенно улыбнулась. – Вы сказали, что я могу не приходить, если вы мне не поможете прямо сегодня.

– Что ж... – кивнул он, – был такой разговор. И все же я бы хотел, чтобы вы пришли на повторный прием. Считайте это моей личной просьбой. Вы же отзывчивый человек, да?

– Боже упаси, – замотала головой я. – Я черствый, бесчувственный человек, циничный до мозга костей.

– Да? Странно. А коллегу своего пораньше с работы отпускаете. В то время как доктор вам отгул дал и вы могли бы сами пойти домой, чтобы отдохнуть.

– Доктор? – удивилась я.

– Конечно, доктор. А кто я, по-вашему?

– Серьезно? Прямо реальный доктор с высшим медицинском образованием, дипломом и всем таким?

– А как же, – кивнул он.

– И с анатомией тоже? И с патфизиологией?

– Нет, все-таки вы презираете психологов не просто так! – воскликнул Игорь Вячеславович.

– Ладно, извините, – стусевалась я. – Просто... это странно. Сейчас психологи – каждый второй. Кругом консультанты.

– С этим я, кстати, даже спорить не буду. Правда ваша. Кто ни попадя собирает эмпирические данные, да еще не факт, что данные эти – корректные. А мы – профессиональные психотерапевты – потом отдуваемся. Знаете, а ведь Ленин говорил, что и кухарка может управлять государством. Думаете, не может?

– Он ошибался, ваш Ленин. И не только в этом, – улыбнулась я. Повисла неловкая пауза, во время которой Игорь Вячеславович явно ждал от меня чего-то. В конце концов я сдалась. – Ладно, Игорь Вячеславович, я приду, хоть и не понимаю зачем.

– По крайней мере, сможете выспаться, – пожал плечами он.

– Тяжелый случай, – вздохнула я и пошла к двери.

– Постойте, – Малдер остановил меня, склонился к столу и принялся писать что-то. Он протянул мне бумажку, на которой неразборчивым почерком – прямо как у заправского врача – был выведен какой-то латинский термин.

– Это что?

– Рецепт. Только применяйте как экстренное средство. Не стоит злоупотреблять химией. Обычно я не применяю ее, но в вашем случае...

– Что, все так плохо? – усмехнулась я. – Пациенту поможет только топор?

– Сон – это важно, – покачал головой Игорь Вячеславович, а потом записал меня на следующий прием через два дня и выпроводил из своего кабинета, аккуратно намекая на то, что занят, ждет следующего пациента. Я вышла, дошла до конца коридора, дождалась лифта, доехала до нашего двадцать шестого этажа и только потом вспомнила, что забыла солнцезащитные очки в кабинете у психолога. Странно, что я об этом не подумала сразу. Потому что... вот ведь забавно, я совсем забыла, что у меня под глазом пылает этот дурацкий синяк. А все потому, что сейчас я чувствовала себя совершенно по-другому.

Я вернулась в кабинет, сунув нос туда, где уже другой пациент раскрывал душу, разглядывая рыбок. Схватила очки и испарилась так быстро, что меня, по большому счету, можно было принять за привидение.

– Надо же, ты вернулась? – ахнул Саша Гусев, скользнув по моему лицу удивленным взглядом, ибо я очки на нос надевать не стала. Решила проверить кое-что. – Это тебя кто, психолог или Крендель?

– Крендель, – буркнула я, и Саша рассмеялся. И все. Никаких больше разговоров. Никаких вопросов. Стоило ли так волноваться. Надо же!

– Ну и? – спросил он, глядя на меня в нетерпении, как пес, которого давно уже должны были вывести на прогулку.

– Что – ну и?

– Отпускаешь ты меня или нет? А то твой доктор сказал, что у тебя отгул.

– Отпускаю, – кивнула я, и Саша выдохнул с явным облегчением. – Ты что, ни дня без тренировки не можешь прожить?

– О, это нужно только попробовать, Фая. Так что, психолог-то толковый? Будет хоть какая-то польза от его сеансов?

– Знаешь, Сашка, а ведь, что странно, – да. Есть от его сеанса польза.

– Серьезно? – и Саша сделал круглые глаза, словно был потрясен до глубины души. – И какая? Ты поняла, что счастье в труде?

– Я хоть выпалась, – брякнула я, и Гусев расхохотался. Я тоже посмеялась, глядя на его удаляющуюся фигуру с громадной зеленой сумкой, брошенной на плечо. Но говорила я это не в шутку, а совершенно серьезно. Единственное, что могло мне помочь сегодня, – это если бы мне дали хоть немного поспать. После этого так называемого сеанса я чувствовала себя несоизмеримо лучше, и меня не покидала мысль, что Игорь этот Вячеславович усыпил меня не случайно, а намеренно. Вся эта тихая музыка, вкрадчивый голос, тихий смех... Возможно ли? Я посмотрела на рецепт и улыбнулась. Люблю химию в нужных пропорциях. В самом деле, у нашего «Муравейника», кажется, хватило ума нанять по-настоящему хорошего специалиста.

Знаешь же, что не хочешь. Вот и не делай

Маша Горобец добралась до меня только под конец рабочего дня. Все потому, что у них там, в бухгалтерии, конец года, сдача годовой отчетности на носу. Это ведь только для бухгалтеров конец года наступает в марте, верно? Маша была взмыленной, словно целый день не документы проверяла, а пахала, обрабатывала целину, причем лично, без всякого там коня.

– Ну вот где тебя носило? – набросилась на меня она, мирно дремлющую в своих солнцезащитных очках. Маша бросила мне на стол дань – коробку конфет. – На вот, нам их уже складывать некуда. А я тебя целый день искала. Постников кричит, что ты приперлась пьяная, с синяком под глазом и что тебя уже уволили. Сашка говорит, у тебя отгул. А ты тут сидишь. Господи, а ты чего в очках-то? Так это правда? Тебя кто побил-то? Это он, что ли? Охренеть. Он что, совсем сдурил?

– Стоп-стоп-стоп, сколько выводов, и все – без всяких вводов. Это меня не он.

– Не он? – опешила Маша. – А кто?

– Бандитская пуля, – вздохнула я.

– Как ты?

– Все очень плохо, – привычно буркнула я, но Машка даже слушать меня не стала.

– Ладно, дай я посмотрю, – бросила она мне и потянула ручки к моему лицу.

– Нет уж, спасибо, – засопротивлялась я, но Машу разве ж остановишь.

– Все сама, да? Феминистки даже лучше, чем ты. Ну ты что, глаза хочешь лишиться, а? Ты хоть чем-то прикладывала? Так, руки убери, горе ты мое. Нет, ну что такое? Точно не он?

– Никакая я не феминистка. И да – точно, это не он, – покачала головой я. – Но – из-за него.

– Я так и знала! – всплеснула руками Маша. В нашем отделе уже никого не было, тихо жужжали компьютеры, где-то вдали без устали звенел телефон, но мы уже давно привыкли отфильтровывать посторонние звуки. – А ты что? Почему ни одной проблемы не проходит мимо тебя? Неужели нельзя было не лезть?

– Ты мне хоть слово дашь вставить или дальше продолжишь эту аудиоатаку? – возмутилась я, пытаясь увернуться от пристального изучения моих синяков. Вернее, синяка. Маша была единственной, кто, говоря это «он», имел в виду правильного плохого парня. То бишь Сережечку, мужа моей сестры Лизаветы, решившего устроить нам с нею праздник Восьмое марта. Устроил, ничего не скажешь. Я до сих пор в себя прийти не могу. Впрочем, могло быть и хуже.

– Тебе нужно сделать компресс, как ты не понимаешь! А Лиза? Он ее не тронул? Что опять случилось? Почему он не уgomонится никак? – возмущенно кудахтала Маша.

– Во-первых, Маша, он не трогал ни меня, ни Лизу. Я же тебе сказала, это не он.

– Но из-за него.

– Не одно и то же, – покачала головой я. – А во-вторых, ты просто не представляешь, насколько мне интересно получить ответы именно на эти же самые вопросы! Почему он не уgomонится? И на черта это надо Лизке? А? Потому что лучше бы он меня ударил вчера, чем то, что он устроил на самом деле!

– А что он устроил?

– Не важно! Кошмар он устроил. Праздник, семейный вечер!

– Ромашка, что ты на меня-то кричишь? Я-то тут при чем? Не хочешь рассказывать – не надо. И мне вовсе не интересно, чего там еще беспутный муж твоей сестры устроил. Скажи лучше, тебя-то саму уволили или нет? А то Постников чуть ли не джигу-брыгу пляшет, говорит, что всегда знал, какая ты проститутка.

– Да не уволили меня. Нашла кого слушать. Проститутка?

– А тебя Крендель мой видел?

– Твой? Между прочим, не пойман – не муж. – Я невольно приподняла одну бровь, скептически относясь к тому, как Маша уже считала нашего Георгия Михайловича «своим». Машка отвернулась и фыркнула.

– Повезло тебе, что ты программер. В вашей дыре никакого дресс-кода, только разве что голой не рекомендуется приходить. А так – никому нет дела. Если бы у нас с синяками ходили, сразу бы всех поувольняли.

– А если я работник хороший? Разве это не мое дело, с синяками мне ходить или нет? Может, у меня мода такая? – насмеялась я. – Ладно, чай будешь? Или уже не можешь больше?

– Можно подумать, что если бухгалтерия, так один только чай и пьем.

– Почему один. С эклерами. А за конфеты – спасибо, но я есть чего-то не хочу, забирай обратно, – подразнила ее я. Маша отвернулась в сторону, посмотрела на скомпилированную модель аварийных разливов нефти. На этот раз модель работала пристойно, нефть переливалась через края контура и растекалась сложными рельефными струями по виртуальной модели. Все работало так, что вызывало определенное беспокойство. Если все хорошо, значит, ты просто плохо смотрел.

– Так что случилось-то? Ты хоть полицию вызывала? – спросила Маша, повторяя вопрос психолога. Далась им всем полиция.

– Любопытным на базаре знаешь что отрывали? Никого мы не вызывали. Просто... Сережа напился.

– Кто бы сомневался. И что дальше?

– А ничего, – пробурчала я, загружая данные обсчета растекающейся нефти. Все выглядело пристойно.

– Ромашка! Говори, не молчи. Что случилось?

– А того, что Сережа напился, тебе мало?

– Буянил?

– Ну... не без этого, – согласилась я.

– А ты говоришь, не он ударил.

– Да. Не он. И вообще, нечего рассказывать. Кроме, разве что того факта, что Лизавета моя – дура беспросветная.

– Это не новость.

– Нет? – устало рассмеялась я. – Я тоже думала, что не новость, но ее дурь с каждым днем достигает нового уровня. Лиза всегда найдет, чем меня удивить.

И затем я рассказала Маше все, что случилось вчера. После моего рассказа Манюня долго сидела молча, затем встала, подошла к своей же коробке конфет, взяла ее со стола, по-прежнему глядя куда-то перед собой, а не на конфеты, и раскрыла ее. Она долго силилась подцепить полиэтиленовую ленточку на защитной пленке, но та упиралась, выскальзывая из-под длинных гелевых ногтей Маши. Тогда она разорвала пленку варварским способом, воткнув в пленку шариковую ручку. Затем Маня вытащила несколько конфет сразу и все их запихнула себе в рот.

– Нечеловеческая дура, – сказала она мне. Прозвучало это больше как «десеавесеская ура», так как говорила она с полным шоколада ртом, но я ее поняла все равно.

– Да. Именно. Дура. Вчера, когда Лизавета сказала мне об этом всем, я, честное слово, чуть ей самой синяк не поставила, – кивнула я, с опаской глядя на то, как еще одна горсть конфет исчезает во рту Маши Горобец. – Видел бы тебя сейчас Крендель!

– У меня стресс. Мне нужно. Слушай, но ведь Лизавета же вроде психолог, – растерянно развела руками Маша. – Она что же, не понимает...

– Психологи! – горько завопила я. – С ними еще хуже. Они же уверены в том, что люди могут меняться. «Каждый заслуживает второго шанса», – вот что она мне говорит. А еще, что Сережа такой, потому что, цитирую, «это все из-за нерастраченных эмоций, которые запрятаны глубоко у него в подсознании», – передразнила я голос любимой сестры. – И трудно поспорить, ибо что запрятано у Сережи в подсознании, страшно даже представить.

– А может, это любовь? – предположила Маша.

– Ага. Сто раз. Хотя... любовь, конечно. Без нее-то не обошлось. Сюрприз, сюрприз. Ладно, черт с ним. Мне просто иногда хочется взять все ее учебники по психологии и по голове ей заехать. Чтоб мозги на место встали.

– Ладно, Фая, брось. Не все психологи такие.

– Не все? – завелась было я, и тут перед моими глазами возник светлый образ Малдера, стучащего по клавиатуре. – Впрочем, ты права.

– Что? Тебя ли я слышу? – ахнула Маша. – Ты согласилась со мной? Сама, по доброй воле, даже не пришлось приставлять пистолет к твоему виску. И не про что-то там. Про психологов! Как так?

– А вот так. У некоторых из них очень удобные диваны.

– Ага... – Машка посмотрела на меня с подозрением, она сощурилась и некоторое время молчала. – Ты была у нашего штатного психолога.

– Я? Да с чего ты взяла? – усмехнулась я. – Меня заставили к нему пойти. Но дядька оказался – ничего. Толковый.

– Дядька? Ничего? Ты что, из-за своего синяка вообще ничего не видишь? Ты хорошо его рассмотрела? Он же красавчик!

– Ш-шш-шш, – зашипела я. – Тише, Маша, а то Крендель услышит.

– Ох, горе с тобой. Дядька, придумает тоже. Он же красив, как Марио Гомес, только улыбается добрее.

– А ты когда успела изучить Малдера так хорошо? – усмехнулась я.

– Малдера? Слушай, а точно. Похож, похож. Прямо копия. Вот и хватала бы!

– Нет, все-таки ты непроходимый романтик, Машка. Где я и где этот Апрель! Мне он не нужен, от таких всегда одни проблемы. Слишком хорош для меня. Я больше люблю мужчин попроще. Нет, правда.

– Да знаю я, кто тебе нравится, – фыркнула Мария. – Сашка твой ни на что не смотрит, кроме своих ракеток. Ты его используешь только как предлог, чтобы больше никуда не смотреть. Вот если он тебе нравится, чего ты ему об этом не скажешь?

– Может, и скажу, – пожала плечами я и принялась забивать вещи в сумку-рюкзак. – Когда глаз заживет. Ладно, Машка, я пойду, а? У меня голова раскалывается.

– Если у тебя есть цель, нужно хоть что-то делать, чтобы к ней приблизиться.

– У меня нет никаких целей, – прошепелявила я себе под нос. – Когда мне будет сорок, я буду жить с мамой и кошками. Мы же уже все решили!

– Первым делом заведи ашеру, она на тигра похожа, я буду к тебе приходиться играть с ней.

– Сама заведи.

– Я не могу. Замуж выйду, у меня дети будут, – дразнилась Машка. Я запустила в нее скомканным отчетом по модулятору разлива нефти, но она увернулась и расхохоталась.

– Крендель на тебе не женится. Он любит только анорексичек. Так что вступай в мой клуб. Нам на котят скидки дадут.

Машка бросила в меня тем же скомканным листом бумаги, а затем стала догонять по коридору. Я подошла к лифту и нажала на кнопку. Пока лифт к нам на двадцать шестой этаж приедет, Машка меня еще сто раз успеет известить.

– А у твоего Саши скоро день рождения, между прочим. Он же – мартовский кот. Что ты ему подарить?

– Я вообще-то... не знаю, а надо? Может, бутылку?

– Ага, спортсмену? Бутылку? – чуть не плевалась Машка. – Я вот Кренделю подарила на Новый год ежедневник с высказываниями великих бизнесменов всех времен и народов. Он знаешь как обрадовался!

– Да уж, представляю. – Я зашла в лифт и нацепила на нос солнцезащитные очки. – Интересный, оригинальный подарок. Ежедневник! Руководителю бизнес-подразделения холдинга. На Новый год. Буквально сгораю от любопытства, сколько еще таких ежедневников ему подарили.

– Таких – ни одного, – обиделась Маша. – Я, когда вручила, показала ему цитаты, так он при мне только их минут десять читал. Он же хочет стать великим бизнесменом, сечешь? Я ему намекнула на то, что верю в него.

– Ты, Машечка, подарила ему обычный ежедневник, – хмыкнула я.

– Ты просто циничная и черствая, Фая. Тебе нужно относиться к людям добрее, а к жизни – с доверием.

– Вот! Сейчас, Маша, ты говоришь точь-в-точь как моя сестра. Ну, посуди сама, если я буду добра и доверчива, то у меня ежедневно будут занимать деньги и втягивать в сомнительные махинации. Так себе совет, – сказала я, проходя по коридору на улицу и дальше, к турникетам, где на место Джонни уже заступил другой охранник. Он не заинтересовался ни нами, ни моими солнцезащитными очками, ни тем, почему мой пропуск опять не сработал. Мужчина был занят, он разгадывал кроссворд, и ему явно не давалось какое-то слово. Маша пропустила меня вперед себя, и мы миновали турникет как мошенницы, пробирающиеся в метро по одному проезднему – плотно прижавшись друг к другу.

– Ты сейчас куда? Домой? Или к Лизке поедешь?

– Мне еще племянника надо из садика забрать.

– Слушай, я вот не понимаю, а сама Лизавета хоть иногда своего собственного сына из садика забирает? Отводит его туда? Сколько тебя ни слышу, ты то с ним сидишь, то Вовка приболел, то Вовке нужно новую куртку, то Вовка с кем-то в группе подрался. Как, кстати, можно подраться, если тебе три года?

– Три с половиной, – оскорбилась я за честь моего племянника. – Очень даже можно, если ты «Бамбл-би», а против тебя прет четырехлетний «Десептикон».

– Господи! – И Маша всплеснула руками. – Давай, подвезу тебя. – У Горобец имелась взятая три года назад в кредит машина, беленький «Форд» с ручной коробкой передач, которую она купила из чистой экономии и потом героически овладевала искусством ее переключения. Сейчас-то она делала это мастерски, но в свое время она со своей машинкой постоянно то подпрыгивала на месте, то вскакивала на бордюры. Однажды Джонни испугала таким прыжком чуть не до полусмерти.

– Нет уж, не надо. Я с тобой до садика и к восьми не доберусь.

– Знаешь ли, пробки не я создаю, – обиделась Маша. – Ну, как хочешь.

Она лихо развернулась передо мной на своем беленьком «Форде» и выехала с парковки, оставив меня наслаждаться холодным воздухом и уютom московского вечера. Солнцезащитные очки подмерзли и неприятно липли к коже на переносице. Может, нужно было все же поехать с Машкой? Но мне хотелось пройтись и подумать – обо всем. И о том, что произошло сегодня у этого психолога Апреля, столь любезно устроившего мне тихий час, и о том, что действительно мне столько времени нравится Сашка Гусев, а я даже не помню, когда у него день рождения. Надо бы все-таки подарить ему что-нибудь. Не ежедневник с цитатами, это точно. Нужно придумать что-то, чтобы ему в самом деле было приятно. Проблема в том, что для меня

это вовсе не так просто – делать приятное людям. Это же не то же самое, что купить машинку для Вовки. Порадовать племянника куда легче, чем тридцатилетнего мужчину с налаженной жизнью, приятной улыбкой и неизвестными предпочтениями.

– Девушка, осторожнее! – услышала я чей-то голос. Остановившись, я оглянулась и поняла, что перехожу дорогу на красный свет. Задумчивость, рассеянность и солнцезащитные очки – плохое сочетание. Я отскочила обратно, на тротуар, как раз вовремя. Поток машин, до этого стоявший и пропускавший другой поток, что шел под стрелку, теперь устремился вперед – как раз туда, где секунду назад стояла я.

– Спасибо.

– Не за что, – буркнул в ответ пожилой мужчина. – Совсем сдурели. Очки нацепили зачем-то.

– Ага, – моментально нахохлилась я. Нет, надо брать больничный, определенно. Сколько можно получать все эти фразы, взгляды, насмешки? За сегодняшний день я наелась ими сверх меры. Кто бы мог подумать, насколько категоричный у нас народ в своих суждениях! Если синяк – то пьянка. Солнцезащитные очки зимним вечером – тоже значит пьянка. Пьющая мать – горе в семье. Правда в том, что ни я, ни Лизавета никогда не пили. Но от проблем это не спасет. Я перешла дорогу на зеленый сигнал светофора и направилась в сторону метро. Сейчас приду в садик, и дежурная вечерняя воспитательница, которой сводят детей из всех групп – тех, кого не забрали до шести, – тоже посмотрит на меня с этой смесью отвращения и сожаления, словно этот мой злосчастный синяк – призрак апокалипсиса, моего личного конца света. Люди всегда склонны делать выводы, мало интересуясь тем, что с научной точки зрения они могут быть и часто являются совершенно ошибочными. Как я получила мой фингал под глаз, не укладывалось ни в один сценарий, который мог бы родиться в голове нормального человека. Но, в конце концов, если речь заходила про мою сестру и ее обожаемого мужа, ничего нормального ждать не приходится. Что случилось с нами вчера, восьмого марта, было бы даже забавным, если бы случилось не с нами.

Источник всех страданий – это привязанности, так что отвяжитесь от меня – и не будете страдать!

Официальным мужем, строго говоря, Сережа Лизавете не был. Только лишь гражданским. Но даже до этого статуса Сережа не дотягивал в связи с частыми отлучками. Причины его частого отсутствия были самыми разными: иногда он уезжал по делам, чтобы заработать денег, что, правда, редко заканчивалось реальными заработками, иногда просто уезжал, не особенно объясняя это чем-то определенным. Часто они с Лизаветой ругались как черти, и тогда Сережа уходил, громко хлопая дверью и обещая больше никогда не возвращаться, и даже забирал из Лизиной квартиры вещи, но не все. Часть оставалась под предлогом, что их просто некуда пока везти.

– Я заберу остальное на днях, – говорил Сережа и пропадал на пару месяцев. За это время пар от прошедшей ссоры остывал, оседал на землю росой, и на том месте, где были слезы, начинали прорастать цветы любви и всепрощения. Я бы выполола их все, но, к сожалению, это был не мой огород. Надо ли говорить, что ни разу еще все вещи Сережи не покинули квартиру Лизаветы. Я даже предлагала ей собрать все в большие картонные коробки, снять в аренду специальное частное хранилище – сейчас в Москве появилось полно таких – и отослать Сереже ключ. Сменить замки в квартире, номера телефонов, явки и пароли... С моей точки зрения, рациональный план, учитывая, что Лизавета в тот момент кричала, что ни за какие коврижки больше и на порог не пустит Сережу. Ага, сейчас.

– Знаешь, Фая, он очень изменился. Привез мне священное масло из Иерусалима, хочет свозить меня на Мертвое море, он там работал.

– Кем?

– Ну... как обычно, – пожимала плечами Лизавета. «Как обычно» означало «кем угодно». Разнорабочим, установщиком пластиковых окон, даже массажистом. Должна признать одно: руки у Сережи были действительно золотые. Когда сестра только познакомила меня с Сергеем, он мне даже понравился – именно тем, насколько умелыми были его руки. Что ж, это только лишний раз доказывает, что я хорошо разбираюсь в цифрах и плохо – в людях. Иначе бы сразу поняла, что все золото ушло Сереже в руки, а на голову ничего не осталось.

Так моя младшая сестра сходилась и расходилась с «мужчиной своей мечты», пока все не перешло на новый уровень – пока не появился Вовка. Лиза беременная, с мягкими, округлыми плечами и погруженным внутрь себя взглядом – это было уже не смешно, этим нельзя было шутить. Сережа больше не был просто негодным любовником моей сестры, он стал отцом моего племянника, членом семьи, которого не забыть, не стереть из записной книжки. Сколько ни выноси его вещи из квартиры, оставшейся Лизе от отца.

– Ну и что теперь? Поженитесь? – спросила я тогда в первый раз и в ответ получила только полный задумчивости взгляд. Оказалось, что Сережа был женат и не развелся. Более того, оказалось, что Лиза знала об этом чуть ли не с самого начала.

– Что за чушь этот штамп в паспорте! – сказала она мне, и я кивнула, фыркая и плюясь.

– Конечно! И вообще, главное – это любовь. А с женой у него – ничего серьезного, он просто не хочет оставлять ее, потому что у них дети, она больна и развода не переживет... Выбирай любое объяснение. Главное, что их брак уже давно – пустая формальность, ничего не значит, а любит он тебя. Так?! – Я вопила, забыв об интересном положении моей сестренки.

– Не так!

– А как? Теперь я понимаю, почему он с тобой живет по вахтенному методу. Он-то, небось, и жене говорит, что уехал на заработки, а сам – к тебе. Подожди, Лизка, – так он, может, и ездит в Москву на заработки, а у тебя останавливается как в бесплатной гостинице?

– Он сказал, что разведется. И что мы обязательно поженимся.

– Да? Сказал? – нервно расхохоталась я. – Это, конечно, все меняет. И все же я бы поостереглась ему верить.

– Ты никому не веришь, и поэтому у тебя никого нет.

– Никого нет – и славно. Хочу – халву ем, хочу – пряники, – с радостью сказала я. – А такого вот «счастья», как у тебя, мне не надо.

После этих моих слов Лизавета принялась плакать. В тот год она вообще только и делала, что постоянно лила слезы. От горя, от радости и от того, что на завтрак не нашлось сыра специального сорта. Самым драматическим событием того года было эпохальное признание Сережи в его прегрешениях – без отпущения грехов. Весть о Лизавете и ее положении все-таки долетела до его жены из Воронежа, после чего состоялся телефонный разговор, свидетелем которого я стала, хотя и не хотела этого. Сережа с лицом человека, приносящего в жертву все самое дорогое, позвонил с Лизиного домашнего номера в Воронеж. По громкой связи его жена Катерина плакала и говорила, что хочет только одного – чтобы Сережа был счастлив. Мне от этих слов страшно захотелось долбануть ее по голове чем-нибудь тяжелым. На самом деле долбануть по голове хотелось обеих дам. Жена нашего Сережи оказалась хорошим человеком, она прожила с ним десять лет, любила, прощала, принимала его обратно после «командировок». Я сидела рядом с беременной сестрой и пропитывалась презрением к Сергею, что было совершенно неправильно тактически, учитывая тот факт, что он поступил как мужчина (признался жене, что обрюхатил любовницу) и собирался остаться с Лизой и ребенком всерьез и надолго.

– Прости меня, Катя, – сказал он так искренне, что на том конце телефона в Воронеже женщина принялась громко рыдать. После этого мучительного разрубания гордиева узла Лизавета долго ходила задумчивая, а затем сказала, что поняла, в чем ее жизненное призвание. Она решила стать психологом, чтобы помогать людям. Я снова бегала и кричала, что это полный бред – бросать почти уже законченный экономический факультет, чтобы заняться тем, что и наукой-то в серьезных кругах не считают. Лиза отвечала, что ненавидит цифры и любит людей. И нельзя же так комплексно портить себе жизнь! Я прекрасно понимала, что речь идет о чувстве вины перед Катериной и что два года изучения психологии, работа за копейки, бесконечные семинары, супервизия, совместные благотворительные проекты и, наконец, долгие часы в бюджетном психологическом центре – все это ради того, чтобы оправдаться перед женой Сережи и загладить ее слезы.

Господи, да разве нельзя было просто снять трубку и позвонить? И сказать: «Мне так жаль...» И жить дальше! Нет, это не про мою Лизу. Она еще долгое время пилила себя и меня заодно, в то время как Сережа, поговорив с женой, выкинул все эти затруднения из головы и больше не заморачивался ничем ни единой лишней секунды.

Не стал он заморачиваться, впрочем, и даже разводом. Для этого бы пришлось собирать всякие бумажки, в Воронеж переться. Сережа хотел поехать в Адыгею, копил деньги на отпуск. Потом, на следующий год, он загорелся идеей присоединиться к экспедиции, вести какие-то раскопки в пригородах Великого Новгорода, и тоже Воронеж оказался не по пути. Не то шоссе, видите ли.

В общем, после эпохального объяснения все как-то затихло и жениться никто ни на ком не стал. Потом Лизавете, как матери-одиночке, назначили хорошее пособие, которое бы сняли, будь она официально замужем, а Сережа – официальным отцом Вовке. Поскольку начинающим психологам платили копейки, а доходы Сергея как-то стабильно утекали в самых непредсказуемых направлениях и рассчитывать на них всерьез не приходилось, все так и оставили. Год мы возмущались, особенно наша с Лизой мама, для которой само понятие «матери-одиночки» было оскорбительно. На второй год все привыкли и зажили «долго и счастливо». Так прошло почти четыре года – долго и счастливо, в основном без Сережи.

До вчерашнего дня. Восьмое марта, блин! И кто его только придумал?

Я перебежала дорогу и перед тем, как зайти в садик за Вовкой, решила посетить аптеку на углу. Нужно и в самом деле что-то делать с моей бессонницей. Не зря этот Малдер выписал мне рецепт. Неужели у меня на лице написано, что я ворочаюсь и пялюсь в телевизор в безнадежных попытках уснуть, а иногда просыпаюсь по ночам и потом еще долго не могу снова отключиться? Это очень забавное чувство, когда ты открываешь глаза посреди ночи, просто так, без каких-либо видимых причин, смотришь на часы, а там обычно три часа сорок минут. Черт знает почему – именно это время. Лежишь, слушаешь тишину и думаешь о том, как же ты устала, черт возьми. А вдруг снова засыпаешь, чтобы уже в шесть часов утра встать снова, но по будильнику. Наверное, этот Малдер – хороший специалист, раз выписал мне это нечитаемое название.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.